

Ярослав Калака

Наряд

Книга II. Южный крест

Ярослав Калака

Наряд. Книга II. Южный крест

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22036678

ISBN 9785448337987

Аннотация

Как найти в себе силы, когда весь мир против тебя? Главный герой вовлечён в круговорот событий. У повстанцев беда. Альянсом захвачены в плен дети. Условие ультиматума – полная капитуляция подземной базы сопротивления «Южный крест». Горечь вины, страх потери и нехватка времени затрудняют поиск правильного решения. Мучительная игра огня и мрака заставляет действовать на пределе своих возможностей. Что значит человеческая жизнь? Что может любовь? Есть ли судьба? И как победить несмотря ни на что?

Содержание

ГЛАВА I, в которой главному герою достаётся по полной программе	5
ГЛАВА II, в которой перед главным героем забрезжит слабый далёкий свет призрачной надежды	21
ГЛАВА III, в которой главный герой обретает целых два новых дома	58
ГЛАВА IV, в которой главный герой на своей собственной шкуре узнаёт, насколько жаркими могут быть объятия	73
ГЛАВА V, в которой главный герой испытывает слишком много эмоций и чувств	86
ГЛАВА VI, в которой главный герой узнаёт правила игры	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Наряд

Книга II. Южный крест

Ярослав Калака

Моему отцу

© Ярослав Калака, 2016

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-3798-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА I, в которой главному герою достаётся по полной программе

На следующий день меня не выписали – наверное, не были готовы анализы. Стараясь вести себя тише воды, ниже травы, я просто отдыхал, читал и спал. Почему-то, как это ни покажется странным, после произошедшего инцидента все стали относиться ко мне гораздо лучше. Я же, со своей стороны, успокоившись, перестал пытаться выпрашивать, предоставив событиям развиваться своим чередом. Если бы не судьба Лианны, тревожившая меня с каждым часом всё больше и больше, наверное, я бы вообще смог наслаждаться жизнью. Почему-то мне казалось, похоже, постепенно бред и воспоминания осели в моей голове, как песок оседает на дно в потревоженной речной воде, что она сошла с поезда ещё до того момента, как мы доехали до конечной станции нашего с проводниками пути следования. Но было ли это наверняка, я не знал.

Одни сдвоенные сутки, русалии, как их здесь называли, сменяли другие, а меня всё не выписывали, однако анализов больше не брали. Пару-тройку раз забегал Александр Игоревич, каждый раз задумчиво теребя подбородок и внимательно осматривая меня своим пристальным взглядом. С Сулей-

мановым мы рассказывали друг другу анекдоты, и даже Оксана Петровна позволила себе как-то раз улыбнуться в мою сторону.

Однажды утром, когда её должны были вот-вот сменить, она, торопясь, нечаянно разбила бутылку от капельницы возле моей кровати. На шум пришла Евгения Ивановна. Неожиданно с Мармутой случилась истерика. Видимо, для того чтобы произошёл взрыв, не хватало такой мелочи, как разбитая бутылка. Она как-то разом обмякла, раскрасневшись от попытки сдержаться, и, в конце концов, не выдержала и расплакалась.

– Я не могу больше, не могу! – твердила она сквозь рыдания безуспешно пытавшейся её успокоить Ключинской.

– Тише, Оксана, тише – уговаривала та, одновременно кивая наряду, чтобы они кого-нибудь позвали.

– Каждую, Женя, каждую секунду я думаю, что с ней, и жива ли она до сих пор! Это сводит меня с ума!

– Все мы, Оксана, так или иначе, это коснулось всех...

Прибежал Сулейманов, после чего они вдвоём увели плачущую медсестру.

От задумчивости, вызванной этим эпизодом, меня отвлек вернувшийся Эльман Гюлалиевич.

– Всё, вы выписаны. Вас уже ждут. Сейчас Евгения Ивановна вас переоденет. Заходите в гости когда-нибудь... Просто так, – и он вышел, видимо, спеша. Подумав, я только и успел, что взять в руку заколку, до этого мирно лежавшую

под подушкой, как пришла сестра с ворохом одежды. Она состояла из обычного и тёплого нижнего белья, поношенного, местами заштопанного, но чистого комплекта ХБ и как следует потрёпанных берцев.

– Меряй, должно подойти. Сейчас донесу бушлат, шапку и портупею. И поторопись. Тебя ждут, а нас торопят.

– Хорошо.

Я надел форму, а заколку спрятал в карман.

– Ну как? – вернулась Ключинская.

– Как раз, – ответил я.

– Иди в туалет. Там бритва и зеркало. Быстрее!

После того как я привёл себя в полный порядок, сестра схватила меня за руку и потащила практически бегом по проходу, которым я не так давно пытался удрать в неизвестность. У входа в него меня и вправду уже ждали.

Это была девушка. Медсестра подвела меня к ней и сухо сказала:

– Вот.

– Хм, – ответила та, презрительно осматривая меня с головы до ног. После чего она небрежно бросила Ключинской:

– Вы свободны.

Та украдкой взглянула на меня и ушла. А я принялся осматривать свой новый конвой, одетый в подогнанный в обтяжку ХБ. С по-щегольски перешитыми боковыми клапанами бедренных карманов она была стройной и пружинистой, словно молоденькая берёзка. А своими огромными синими

глазами хлопала так, как будто бы только что сбежала из какого-нибудь японского мультфильма, из тех, которые я смотрел в детстве. Как позволило рассмотреть освещение, дамочка была украшена лейтенантскими погонами.

– Возьми свои погоны, пока ещё курсант, – процедила сквозь зубы она и протянула мне знаки различия. «Ненавижу таких», – подумал я, приводя свою форму в порядок.

– Значит так. Слушай меня не просто внимательно, а так внимательно, как ты вообще никого не слушал в своей жизни. Сейчас мы идём с тобой на построение. Самое важное, ты должен твёрдо запомнить: что бы ты ни услышал, ты будешь кивать головой и молчать. Ещё раз: что бы тебе ни сказали, ты будешь слушать молча, кивать головой и не открывать своего собственного рта. Ясно? Я спрашиваю, ясно?

– Да.

– У... Так у тебя не только со слухом, но ещё и со зрением проблемы, курсант. Может, ещё здесь повалешься, считаешь про пиратов и заодно подлечишься, а?

– Так точно, ясно, товарищ лейтенант.

– Повтори, что ты должен делать на построении?

– Молчать и кивать головой независимо от того, что будет происходить вокруг.

– Верно. После будешь возмущаться, тебе будет предложена такая возможность. Пошли, и живее, мы опаздываем!

Покинув госпитальную систему, мы оказались в громад-

ном, по меркам моего 72-го учебного центра, проходе карстовой пещеры. Я едва поспевал за своей юркой провожатой, каблуки которой только и успевали стучать по деревянному настилу мостика с поручнями, по которому мы шли. Я вертел головой из стороны в сторону. Пещера была превосходно освещена источниками света, большинство из них было жёлтого оттенка, но иногда попадались и голубого свечения.

До этого мне практически не приходилось бывать в естественных подземельях, и всё было для меня в диковинку: величественные сталактиты, свисающие то там, то здесь с потолка; сталагмиты, растущие прямо из пола, причудливые, но величественные декорации подсвеченной каменной породы вокруг. Одна картина сменяла другую, на нашем пути стали попадаться залы, которые мы быстро проходили, хотя была бы моя воля, я бы с удовольствием провёл бы здесь много времени в качестве туриста. Иногда мостик становился действительно мостиком, неожиданно взмывая на несколько метров вверх на поддерживающих его бетонных сваях.

В некоторых местах наш путь резко сужался, настолько, что до внутренностей породы ничего не стоило дотронуться рукой; кое-где на ней просматривались чудные наплывы, названия которых я не знал. Как и то, из чего состоит пол некоторых залов: из глины или песка породы? Одним словом, было интересно.

Спустя некоторое время, к счастью, потому что я успел

довольно сильно устать и запыхаться, мы пришли в зал, в котором наш мостик превращался в своеобразный, если можно так, конечно, назвать, причал. Тот в свою очередь заканчивался рельсами; справа на нём был пульт с кнопками. Лейтенант подошла к нему и нажала на одну из них. Нам не пришлось долго ждать: прошло не более пяти минут, как послышался шум, и по узкоколейке подъехал малюсенький состав, своим внешним видом напоминавший элемент детского аттракциона. В переднем вагончике электровозика сидел машинист в шлеме и забавных защитных очках – верхних кабинок в вагонеток не было.

– Куар-Древо, Аркс! – прокричала ему офицер, на что он кивнул головой.

Мы сели в третью дековильку, всего вместе с водителем вагончиком их было четыре, и поехали. Вокруг был тот же пейзаж, но скорость и ветер в лицо делали происходящее перед глазами ещё более захватывающе интересным – наверное, это отразилось на моём лице, потому что девушка, посмотрев на него, презрительно хмыкнула.

После того как мы приехали и покинули наш транспорт, мной овладело какое-то странное, необъяснимое волнение. Смешно, пока ещё не понимал сам, чего, но я боялся. Теперь мы уже шли не по деревянным доскам мостика, а по булыжникам, которыми была вымощена пещера. Изменился и сам её характер, теперь это был не одинокий проход, а лабиринт, потому что ход, которым мы шли, периодически пересекали

другие, поперечные, таким образом, постоянно образуя перекрёстки. Освещение здесь было ещё мощнее, чем раньше, настолько, что теперь было можно читать газету или разглядывать линии на своей руке.

Мы шли в одиночестве, и некоторое время я недоумевал, почему мы не повстречали никого из людей, потому что окружающий нас интерьер ясно говорил о том, что мы вряд ли находимся на каких-нибудь задворках данной подземной системы. Вскоре мне стало понятно, почему было так, а не иначе: просто любой город пустеет тогда, когда всё его население собирается на центральной площади.

Шагов за двадцать я понял, что ход, которым мы идём, заканчивается, и цель нашего маленького путешествия сейчас предстанет перед моими глазами. Когда это небольшое расстояние было преодолено, мне показалось, что всё это сон. Вот, ещё одно мгновение, и я проснусь... Громадный зал, в котором мы очутились, никак не хотел поддаваться ни воображению, ни всем тем представлениям, которые я накопил за всю свою жизнь о мире Подземья.

Если его ширина и длина имели вполне разумные пределы и исчислялись сотнями метров, то высота, как и пропасть, которая простиралась перед нашими ногами, казалось, не имели своих границ... Наполненный своим, пока ещё неведомым мне ритмом, который я был не в силах понять, но и не мог не ощутить, этот мир дышал жизнью. Как глиняный речной обрыв бывает усеян ласточкиными гнёз-

дами, вся внутренняя поверхность, насколько хватало глаз, была испещрена отверстиями ходов. И не только ими.

Перемычки, надстройки самых немыслимых и вычурных конфигураций вперемешку с электрическими источниками света разных цветов. Несмотря на разнообразие, больше всего фонарей было с фиолетовым, синим и голубым свечением. Деревянные балки и мостики, бесстрашно бросавшие вызов высоте. Верёвочные лестницы, ржавые железные скобы, толстые канаты и ещё много чего сплеталось, в конечном счёте, в причудливую картину, которая, конечно же, не могла не поразить человека, смотревшего на неё впервые.

Очевидно, что проблем с количеством электрических генераторов и топливом для них, имевшим место в моём учебном центре, здесь не было, потому что, как я уже и говорил, отовсюду струились потоки света, отлично освещавшие всё вокруг. В первые мгновения глаза от непривычки немного зажмурились, но потом широко распахнулись, осматривая всё вокруг. Повторяю, что до этого никогда в мою голову и прийти не могло, что мир Подземья может быть столь величествен и красив.

Моя ведущая, ничтоже сумняшеся смело шагнула в пропасть, и... как ни в чём не бывало, смело зашагала по ней. Хотя я, конечно же, понимал, что она, как и большое количество собравшихся здесь людей, не парят по воздуху, а опираются ногами об пол, выполненный из прозрачного материала, как и перекрытия, на которых он лежал, но всё равно

остановился, боясь сделать по нему свои первые шаги.

– Ты так и будешь там торчать? – обернулась ко мне конвоирша.

Одновременно прозвучала команда строиться, и люди, среди которых были не только мужчины, но и женщины, и подростки, правда, все как один одетые в военную форму самых различных образцов и комбинаций, начали быстро заполнять строй. Чувствуя, что спустя мгновение я получу нагоняй от лейтенанта, я, кривясь, начал с замиранием сердца идти.

Прозрачный пол, словно печная заслонка дымоход, делил пропасть на две половины, по окружности почти везде достигая до её краёв. Начав шагать, потому что не было другого выхода, спустя несколько метров я ощутил целую гамму самых разных чувств. Не так легко было в них разобраться: здесь был и леденящий душу страх, и просто неопишуемый восторг, который вёл с собой за руку восхищение. Мозг пробуксовывал, не в силах понять, почему тело не падает в бездну, у которой даже не было видно дна.

За считанные секунды, как по волшебству, громадная беспорядочная людская масса приняла вид десятков, если не сотен, аккуратных коробок. Мы стояли в одной из них, я – во второй шеренге за узкой спиной моей ведущей. Некоторое время было уделено проверке наличия личного состава: в каждом подразделении своим командиром. Когда с этим было покончено, я обратил внимание на человека, гордо

и независимо стоящего с правого бока строя.

С первого же взгляда было ясно, что это, несомненно, персона. Царственная осанка, горделивая посадка головы и поза, казалось, были продуманы самым тщательным образом. Немного выше среднего роста, он был широкоплеч, с волнистыми волосами, зачёсанными назад. Виски посеребрила седина, однако было трудно не споткнуться о выразительный взгляд, полный сарказма и безжалостности, глаз цвета небесной лазури, какой она обычно бывает перед грозой. Одет незнакомец был по самой шикарной военной моде: пятнистый лётный комок, синяя куртка ВВС и на ногах ботинки с боковой молнией.

Очень быстро установилась удивительная для такого количества людей идеальная тишина. Вальяжно стряхнув в сторону видимую безучастность, объект моего наблюдения собранно замаршировал в ответ на встречный строевой шаг мужчины, одетого в синий лётный костюм без куртки. Они приблизились друг к другу, и я в недоумении замер, понимая, что слова, сказанные ими, никак не могут достичь моих ушей из-за большого расстояния, которое нас разделяло. Я ошибался.

– Отставить! – прервал доклад незнакомец в куртке. – Встаньте в строй.

Эхо работало таким образом, что слова с силой громогового раската разносились вокруг и ложились на нас как лавина.

– Значит так! – начал он, повернувшись к строю. – В то

время как все мы работаем и достигаем результатов в стремлении к одной и единственной цели, в нашей среде находятся воистину выдающиеся идиоты, которые с лёгкостью ставят под угрозу не только свою собственную жизнь, но и наше с вами существование.

Он наклонил голову и повернул её в мою сторону. На мгновение мне показалось, что меня насквозь прожёт взгляд волшебного ока из фантастического фильма, который я когда-то смотрел в детстве.

– Выйди из строя на десять шагов, дорогой.

Несмотря на фактическую безобидность этих слов, фраза была пропитана ледяной иронией такой концентрации, что я невольно посочувствовал бедняге, попавшему под раздачу. Однако никто не выходил. Моя сопровождающая, хотя все вокруг, казалось, боялись моргать и дышать, обернулась и кивнула мне головой, указывая на противоположную часть прозрачного плаца. Сердце упало куда-то в область крестца и забилось так глухо, будто бы на него охотилось с десятков снежных барсов. Вслед за ним то, кому отдана команда, дошло и до меня.

Лейтенант строго по уставу освободила мне путь, и я с грехом пополам отмаршировал свои десять шагов и развернулся к строю. Естественно, на меня смотрели мириады глаз.

– Я хочу представить вам, – продолжал греметь голос, – курьера 210 тысяч 312-го тупика, который в нарушение всех, в том числе элементарных настолько, что о них знают даже

дети, приказов и инструкций, решил наплевать на установленный к нам путь и пойти другим. Потому что этот самый другой путь якобы короче, быстрее и вообще лучше со всех сторон.

Я удивлённо захлопал глазами, но споткнулся о взгляд своего конвоира, напоминавший мне о том, что я обязан молчать.

– Я мог бы задать этому курсанту тривиальнейший вопрос о том, кто разрешил ему это сделать, но знаю, что не получу на него вразумительного ответа.

Под моими ногами была пропасть; прямо передо мной – океан глаз, как мне казалось, смотревших на меня с укором и презрением, хотя если бы я присмотрелся, то обнаружил бы, что это не так. А вокруг, многократно отражающийся от стен, гремел раскатами бичующий меня голос. Вскоре от всего этого мне стало дурно, и я понял, что в любое мгновение могу упасть в обморок.

– Встаньте в строй. Мартыненко, сразу же после построения – вдвоём ко мне!

– Так точно, товарищ командир! – звонко заорала моя сопровождающая.

Видимо, эхо действовало только тогда, когда человек стоял только в определённом месте или местах, если их было несколько. Вернувшись в строй с пылающим лицом, я старался прийти в себя после совершенно неожиданной и незаслуженной, по моему мнению, экзекуции. О чём речь шла

дальше, я уже особо не следил, главное, что не обо мне.

После того как построение закончилось, я вплотную подошёл к своей наставнице. Та фыркнула и отвела глаза в сторону.

– Это что было? Какого чёрта? Какой ещё тупик?

– Тише, Митя, тише.

– Я не Митя.

– Поздно, будешь Митей. Пошли.

– Куда?

– К командиру.

– К этому что ли?

– Знаешь что? Захлопни свой рот и просто иди за мной!

Мы подошли к краю пола, и Мартыненко принялась ловко взбираться вверх по большим скобам, вбитым прямо в стену зала. Я последовал за ней. Метров через двенадцать мы достигли входа с деревянным настилом, выступающим наружу наподобие доски для прыжков в воду. На нём лейтенант остановилась.

– Устал?

– Нет.

– Я вижу. Передохни. Не то что бы, просто, если ты свалишься вниз, это мне доставит положительные эмоции только сначала.

– Да пошла ты, товарищ лейтенант.

– И тебе не хворать, – почему-то задорно сверкнула глазами она и зло улыбнулась.

После отдыха с помощью каната, прикрепленного к громадному штырю, вбитому несколькими метрами выше, мы перенеслись на другой настил, который был от нас шагах в шести-семи далее по горизонтали. Как и первый, он был сделан у входа в пещеру, но мы не вошли, а начали взбираться по верёвочной лестнице, которая была слева от него, вверх по стене.

Теперь мне не приходилось жаловаться на одиночество. Кругом была масса людей, торопящихся по своим делам. Кто-то шагал по прозрачному полу, другие исчезали или появлялись из ходов, некоторые использовали необычные приспособления для перемещения так же, как и мы.

Верёвочная лестница привела нас к пещере, в которую мы наконец-то вошли. Имевшая по обеим своим сторонам большое количество ответвлений, она постепенно расширялась и была неплохо освещена, но не электричеством, а факелами, в обилии торчащими из её стен. Пол был дощатым, а стены покрыты слоем влаги – возможно, из-за неё электричество сюда решили не проводить.

Здесь было много людей. После того как дошли до широкой части пещеры, я понял, почему. Это был тир. По обеим сторонам располагалось большое количество деревянных мишеней, по которым велась непрерывная стрельба из луков. Также метались ножи. Это было забавным; нас в моём учебном центре не учили подобным вещам.

Оставив стрелков позади, мы дошли до малюсенькой пло-

щади, от которой по её окружности начиналось несколько массивных галерей. Посередине был колодец, выложенный из булыжников, а около него – несколько человек, собравшихся для того, чтобы напиться. До сих пор я не видел никого, кто был бы одет в гражданку, за исключением, пожалуй, двух или трёх детей.

От колодца мы свернули налево в узенький и неприметный ход, в котором, кроме нас, никого не было.

– Подожди, – остановила меня Мартыненко.

– Что?

– Нет времени идти обычным путём, поэтому придётся надеть, – и она протянула мне чёрную повязку.

– Опять, – проворчал я, завязывая узлы у себя на голове.

После этого мой офицер взяла меня под руку и долго вела, подсказывая наличие ступенек и других препятствий на моём пути. Несколько раз слышался звук отпираемых и запираемых дверей. В основном мы постоянно поднимались вверх, но спуски, хоть и небольшие, были тоже.

Когда моя наставница развязала мне повязку, мы были уже не в пещере. Это был квадратный проход, сделанный или из камня, или из материала, который был мне незнаком. Пол состоял из небольших плит светло-серого цвета. Потолок был сделан из однородного серо-синего материала и был испещрён фиолетовыми и голубыми прожилками, из которых струился непонятной природы свет. Стены, сложенные из панелей тёмно-серой раскраски, через каждые три мет-

ра разделяли небольшие прямоугольные колонны такого же цвета.

Далее на нашем пути пару-тройку раз попадались поперечные коридоры – следовательно, это был лабиринт, а не отдельный ход. Скоро мы пришли к двери, которая была так похожа на обыкновенную панель, что я окончательно убедился в правильности моей догадки только тогда, когда она подтвердилась.

По бокам от неё стояли два сержанта.

– Клапан застегни, – презрительно бросила одному из них моя спутница, и так быстро что-то сделала правой рукой, что я не заметил что именно. От этого дверь плавно закатилась вверх, и мы вошли. Перед нами была узенькая и коротенькая лестница, ведущая вверх. Сверху падал свет, и слышались голоса. Панельная дверь закатилась на своё место без нашего участия; мы же поднялись наверх.

ГЛАВА II, в которой перед главным героем забрезжит слабый далёкий свет призрачной надежды

– Балдур-Кугут свободный город, – мрачно возразил человек, которого я, несомненно, где-то слышал раньше.

– Понимаешь, Андрюша, – вкрадчиво начал, постепенно повышая нотки голоса, хозяин кабинета, – мне на вашу свободу и самостоятельность чихать с высокой башни! Цена всей вашей независимости – мешок гнилой картошки, так своему тупому баламуту и передай! И все вот эти доводы, – интонация взвилась до высоты, способной прошибить потом кого угодно, – которые я сейчас от тебя слышал, по логике не представляют собой ровным счётом ничего!

«Онт», – беззвучно прошептал я губами, узнав в первом собеседнике человека, который привёз меня больным в Южный крест. Что касается второго собеседника, то поносящие нас голоса всегда забываются нескоро.

Чувствуя, как с каждой секундой вокруг наэлектризовывается атмосфера, мы скромно ждали, пока на нас обратят внимание. Кабинет представлял собой необычное место, которое мне было невозможно ни с чем сравнить. Сзади нас была стена. Вместо остальных трёх прямо перед нашими глазами располагалась полукруглая перегородка из толстого

прозрачного материала; из него же был пол, точно такой же, как и на плацу. Вся эта конструкция висела на потолке гигантского разлома, с которым я успел познакомиться на построении. И, как я думал, пропускала свет только в одну сторону, то есть снаружи была непрозрачна. Наверное, при других обстоятельствах меня бы занял на некоторое время открывавшийся сногшибательный вид, но на сегодня мне было уже достаточно новых впечатлений.

По центру стоял громадный дубовый стол с резными горгульями на ножках; за ним и восседал на стуле человек, который с такой лёгкостью мог внушать людям подобие ужаса при самом обыкновенном общении. На его поверхности размещались кипы книг и бумаг, несколько наборников и тапиков, пара канделябров с горящими свечами, настольный компьютер и ноутбук, к которому был подключен дополнительный монитор.

Второй стол, как всегда бывает в кабинетах начальников, примыкал к первому. Это на его дальнем краю сидел тот самый онт, которого раньше я видел только сквозь толстую призму бреда. Этот человек был болезненно худощав, с тонкими и длинными ногами и руками (из-за чего, наверное, и почудился мне ожившим деревом), и был одет в странный гражданский костюм. Он имел густую высокую шевелюру, усы щёткой и круглые маленькие глаза, в данный момент упрямо блестящие в такт тонким стиснутым губам.

Рядом с ним, как только я их узнал, моё сердце не вы-

держало и забилося, забыв про лимит эмоций на сегодня, сидели Завражный и Вавщик, насупившись, словно два молодых филина. За их спинами стояла буржуйка с разведённым внутри огнём и трубой, уходящей в потолок, а за ней открытая ширма, старое жёлтое кресло и зажжённый светильник. Ещё два точно таких же стояло по бокам от дубового стола, а за ним какие-то две непонятные железные штуки и стяг. Ещё справа от нас стояла кушетка, и ещё один, на этот раз обыкновенный письменный стол, заваленный бумагами. А слева – книжный шкаф со стоящими на нём тремя керосиновыми лампами.

Знамя заслуживает отдельного описания. На нём была очень искусно вышита стена из бурых булыжников, с золотым баннером вверху. Надпись на нём было невозможно прочесть из-за складок. По центру громадного зелёного дракона протыкал в ногу мечом, который держал в левой руке, воин, присевший на колено. Его костюм, состоящий из коричневых штанов, чёрных сапог и голубой рубахи, эффектно дополняла пурпурная мантия, развевающаяся позади. В правой руке был щит, которым он укрывался от пасти чудовища.

Наконец, в споре образовалась пауза, и человек за дубовым столом, цокая языком, воззрился на нас с таким видом, как будто бы видел впервые в жизни. Лейтенант вытянулась в струнку и толкнула меня локтем под рёбра:

– Товарищ полковник, лейтенант Мартыненко по Вашему приказанию прибыла!

– Товарищ полковник, курсант Гарвий по Вашему приказанию прибыл!

– Сколько раз я сегодня, Андрюша, говорил тебе о том, – от нас снова отвернулись, – что мы сможем обойтись без ваших поставок. Мы наладим, точнее, увеличим существующий товарооборот, да мало ли с кем, с тем же Радужем – и прекрасно проживём без вас.

– Это третий, Александр Владимирович, – ответил ему его собеседник.

– Так почему же свободный город Балдур-Кугут позволяет себе так относиться к нашим договорённостям, а вернее, к собственным обязательствам, в то время как Южный крест в точности исполняет свои? – полковник привстал за столом, опершись об его поверхность руками.

Глаза у его оппонента округлились до предела и испуганно тарацились по сторонам, как будто бы в поисках поддержки. Мои бывшие проводники тем временем сосредоточенно изучали состояние ногтей на руках, устремив взгляды вниз. Наконец он произнёс:

– Но... в конце концов, Александр Владимирович, свободный город Балдур-Кугут выполнил... основную часть своих обязательств.

– Как, Андрюша, я спрашиваю тебя, как он их выполнил? Случайно? Посмотри на своих сопляков. Это те самые лучшие проводники, которых ты мне обещал? Это у тебя называется *самые лучшие*? Ты прекрасно знал, – голос хозяина

кабинета снова стал тихим, но настолько ледяным, что, казалось, ещё немного, и прозрачный пол полопается как лёд на речке весной, – насколько была важна для меня, для всех нас эта операция, и всё равно послал на неё детей?

– Александр Владимирович...

– Зная, как удалось Альянсу схватить нас за горло?

– Но они... действительно...

– Лучше помолчите! – вставила Мартыненко.

– Алина, родная, а тебе кто давал слово, а?

– Товарищ полковник, я просто хотела...

– Да я не спрашиваю тебя, что ты хотела! Не дай Бог, если это когда-нибудь повторится, да ещё и при посторонних! Или ты не знала, что влезать в чужой разговор, тем более старших и по возрасту, и по званию, в высшей степени некрассиво? Вон.

– Есть.

После щелчка закрывшейся двери полковник сел обратно и продолжил:

– Нам нужен проводник.

– Хорошо, Александр Владимирович, я поговорю с вождём, и...

– Андрюша, нет времени на длительные переговоры. Вам известна наша беда!

– И мы не собираемся наживаться на ней... По крайней мере, больше чем обычно.

– Я надеюсь, – ответил хозяин кабинета и нажал на кнопку

на своём столе.

– Лейтенант, отведите господина Демидченко в его апартаменты, – отдал он приказ мгновенно появившейся Мартыненко.

После того как они ушли, центр тяжести разговора переместился на меня.

– За последние годы я видел много идиотизма. И до Великого Исхода тоже. Например, – полковник соединил пальцы своих рук, – я видел, как в стельку пьяный техник заправлял самолёт. Ну да неважно. Сознаёшь, что наделал? Это, – он указал кивком головы на ребят, – дети. На самом деле главным был ты. Гарвий, тебя зачем послали?

Воцарилось молчание. Егор с Сергеем, судя по наклону их туловищ, закончили с изучением ногтей пальцев рук и приступили к ногтям на ногах. Хочешь не хочешь, а надо было отвечать. Я сжался и выдохнул:

– Товарищ полковник, где она?!

Бури не последовало. Единственное, что произошло: мои бывшие проводники удивлённо подняли головы и осмелились на меня посмотреть. Пауза длилась долго, и я был готов вытерпеть любой крик, только чтобы она закончилась.

– Присядь, Гарвий.

Я воспользовался приглашением. Мой собеседник, положив свой подбородок на подставку из рук, долго молча смотрел на меня, пока, наконец, не откинулся назад. Почему-то он выглядел удовлетворённым.

– Превосходно! – сказал он и снова нажал кнопку, после чего обратился ко мне:

– Во всяком случае, не у нас.

Вошла Мартыненко.

– Ты ещё не ушла?

– Не успела, товарищ полковник.

– Алина, пусть ребята подождут под дверью.

– Есть.

– Итак, – продолжил он после того, как мы остались в кабинете одни, и я почувствовал себя совсем одиноко, – ты позволил себе вступить в связь с офицером противника. Так?

В ответ я насупился и молчал.

– Так или не так, чёрт возьми? Должен чувствовать, куда я веду!

– Так точно.

– Во время крайне, я подчёркиваю, крайне ответственной миссии, к которой тебя только подготавливали уйму времени. Безусловно, само по себе то, что тебя выбрала Марина, значит многое, после этого тем более непонятно, как вообще могло произойти то, что произошло. Как, Гарвий?

Я молчал.

– Ты вообще осознаёшь, чем следует поставить точку в этой истории? Что по факту должно быть расследование и самый настоящий трибунал? Что *всё это* с лёгкостью в любой момент можно расценить как предательство? Да, мы зна-

ем, что у тебя хватило ума не говорить ей, куда ты едешь, скажи спасибо своим смышленным проводникам, им незачем врать... Но только из-за своих, не окажись она так благородна, *желаний*, – его голос повысился, а зрачки глаз сузились, – ты мог пустить псу под хвост всё то, что мы уже сделали для того, чтобы достигнуть нашей цели!..

Воцарилась тишина, изредка разбавляемая звуками, которым удалось проникнуть сквозь толщину прозрачного материала снизу, где кипела жизнь.

– Слава Богу, этого не произошло. Но только по чистой случайности не произошло!

– Виноват, товарищ полковник. Вы правы, так было нельзя. Но по-другому тоже не я мог.

– То есть, всё не просто так?

В ответ я молчал.

– А по-моему, конечно же, просто так! Или ты хочешь сказать, что тебе не всё равно, что с ней сейчас происходит, кто она вообще и чем живёт? Может, ещё с её родителями познакомиться желаешь? И, конечно же, считаешь, что знаешь, что в её сердце, и в какой, в конце концов, день она родилась?

– Первого июня, – ответил я.

– Первого июня, – повторил Александр Владимирович, и неожиданно подобие полуулыбки удивления посетило его лицо, – хм. День защиты детей?

– Простите, день чего, товарищ полковник?

– Ничего. Не защитили.

Он снова задумался.

– И ты хочешь её найти?

– Да, даже если на это придётся потратить всю мою жизнь! – вырвалось у меня.

– Что ж, в таком случае слушай меня внимательно и запоминай.

– Для всех ты прибыл из Богом забытого тупика, которого в действительности вообще не существует. Его номер – 210 312. Повтори.

– 210 312.

– Запомнил? Если сомневаешься, вот ручка и бумага, запиши.

– Готово.

– Хорошо. Никому, никому ты не должен говорить, кто ты на самом деле. Ни Мартыненко, ни Корнышевой, никому другому. Эти два желторотых окурка, понятное дело, всё знают и так. Ясно?

– Так точно.

– В этом сейчас всё. Это и твоя судьба, и её. И не только.

– А...

– Терпеть не могу пафоса, но это первый маленький шагочек на пути к твоей цели. Без него не будет ничего. Ещё раз: ничего. Уясни себе.

– Понял. Я всё понял. А...

– А вот обо всём остальном мы с тобой поговорим во время тёмно-фиолетовых склянок.

– Товарищ полковник!

– Да.

– Я был в бреду, моё оружие...

– Хорошо, что заботишься. Твой пистолет в оружейной комнате. Да, давай сюда военный билет, чтобы ненароком никто не подсмотрел, откуда ты на самом деле... Никому ещё не показывал?

– Нет.

– Хоть это хорошо.

– Разрешите спросить?

– Да?

– То, что я нёс... в кроссовке... не утеряно?

– Не утеряно и сейчас там, где надо, и флеш-карта, и контейнер, который был на ноге. Ступай.

После этих слов была нажата кнопка. Мартыненко не заставила себя ждать ни одной лишней секунды.

– Алина, отведи его к своей лучшей подруге, к Корнышевой. Лопарёву я уже сегодня утром рассказал, что с ним делать...

– Есть, товарищ полковник!

– Подожди, не сбивай.

– Извините.

– Документов у него нет. Моей властью заведите порталную книжку без них.

– Ясно.

– Вячеслав Иванович сейчас не у себя, ждать, пока вер-

нётся, не будем, ты мне нужна свободной. К тому же передашь ему это, – и он что-то прошептал ей на ухо.

– Хорошо.

– Он сейчас на третьем уровне Клетки.

– Разрешите, товарищ полковник?

– Да. А курсанта в тёмно-фиолетовые склянки найдёшь и приведёшь ко мне.

– Его? Хорошо.

– Чего стоишь? Веди.

– Окурков заводить?

– Да, давай.

В коридоре на лестнице я столкнулся с моими бывшими проводниками.

– Мы вас найдём! – шепнул Егор.

– Не серчайте, что рассказали, – шепнул посвежевший на лицо бывший Гаргантюа.

– Ладно, – прошептал я в ответ, понимая, что обижаться на сдавших меня ребят глупо. В конце концов, то, что они подслушивали, оказалось мне на руку.

Так же, как и раньше, то есть с завязыванием глаз, мы вышли обратно на маленькую площадь с колодцем.

– О чём вы говорили? – не выдержала моя провожатая.

– Как его фамилия? – ответил я вопросом на вопрос.

– Меняев. Полковник Меняев.

– Он командир Южного креста?

– Да. И запомни, Митя, раз и навсегда: если не хочешь ка-

заться деревенщиной, забудь про словосочетание «Южный крест». Мы – 13-е окончание подземных коммуникаций сопротивления. Уяснил?

– Да.

– Так о чём?

– Мне нельзя рассказывать.

– Ясно. Ну, хорошо...

На этот раз мы не стали идти по Аллее лучников, как я про себя её окрестил, а воспользовались противоположным ей коридором. Некоторое время шли по нему, пока не подошли к воротам, за которыми пещера заканчивалась и начиналась рукотворная коммуникация. Иногда нам навстречу попадались другие люди, с которыми мы молча обменивались воинским приветствием – все они были одеты в военную форму.

Одевался каждый, судя по всему, как мог. Далеко не на всех были обыкновенные хлопчатобумажные, как у меня, или пиксельные комки. Чаще всего это были причудливые комбинации частей упомянутых комплектов с элементами повседневной формы, или лётных и технических костюмов, не все из которых мне вообще когда-нибудь раньше приходилось видеть.

На этот раз мы не спешили, как в прошлый раз, и у меня было достаточно времени для того, чтобы вертеть своей головой по сторонам. Электричества здесь не было, и за освещение отвечали длинные массивные факелы, уходившие своим основанием в пол, а изголовьем крепившиеся к сте-

нам. Некоторое время ход состоял из красивого орнамента, сделанного, насколько я мог судить, из чёрного базальта. Затем его сменили коричневые булыжники, из которых были сложены стены и потолок. Пол был из каменных плит, по которым было почему-то необычно ступать.

Через некоторое время мы подошли к лестнице, по которой очень долго поднимались вверх. Потом Алина, не задумываясь, прокладывала наш путь среди похожих как две капли воды перекрёстков, ни разу не задумавшись, куда следует повернуть на этот раз. Похоже, ходить быстро было её привычкой, потому что постепенно она увеличивала свой шаг. Несколько раз на нашем пути попадались такие же длинные лестницы, были и залы, по которым мы шли по каменному мостику с поручнями. Тем временем вокруг нас кипела жизнь. По своим делам то тут, то там спешили люди; в отдельных комнатах, судя по всему, шла работа, в каждой – своя.

Я устал. Перенесённая болезнь оставила на память о себе повышенную утомляемость. Больше всего отнимали силы подъёмы, которые моя ведущая, словно назло мне, преодолевала с завидной лёгкостью. Понимая, что мне всё равно не выдержать такого темпа и то, когда я попрошу пощады, вопрос времени, пока что я терпел. Как оказалось, не зря, потому что на нашем пути произошла заминка.

– Ты ничего не перепутал?! – зашипела Мартыненко на солдата, решительно преградившего нам путь.

Ход, которым мы шли, заканчивался деревянной перегородкой с узкой калиткой, в которую нас не пускали.

– Прошу прощения, товарищ лейтенант, – спокойно возразил солдат и что-то сказал в темноту позади себя.

Мой офицер фыркнула, отвернулась и приняла самую презрительную позу, на которую только была способна. Ждать пришлось около трёх минут, за которые я успел немного отдышаться. После этого из проёма вышел молодой человек в чёрном техническом костюме. Увидев лейтенанта, он ослабил:

– Никак сама Алина Юрьевна к нам в гости пожаловала?

– Послушай, родной, – подошла к нему вплотную девушка, – ещё десять секунд впустую потраченного мной на тебя времени, и... ты меня знаешь!

– Проходите, – ответил ей парень тем же тоном, но было видно, что угроза возымела своё действие.

Перегородка оказалось стеной маленького помещеньца, в которое мы вошли. Внутри был стол, несколько стульев, сейф и пара зажжённых керосиновых ламп.

– Вы новенький? – спросил меня незнакомец в чёрном костюме, жестом приглашая присесть.

– Да, – ответил я.

– Значит так, товарищ курсант. Как вам, наверное, уже известно, 13-е окончание разделено на укреп-уровни. Перемещение между ними по приказу командира разрешено только через порталы. Такие, как наш. С этого момента мы заводим

на вас, – он порылся в ящичке стола, – персональную портальную книжку. В ней будет зафиксировано, на каком укреповне вы в данный момент легально находитесь. Книжку вы обязаны предъявить по первому требованию начальника патруля. На патрульную службу возложена обязанность контроля вашего реального местонахождения с отметками в ней. Естественно, если вы оказались на каком-либо укреповне в обход портала, вам грозит ответственность по факту нарушения... Что-то неясно?

– Никак нет.

– Говорите, пожалуйста, «никак нет, товарищ старший лейтенант». Моё воинское звание – старший лейтенант.

– Никак нет, товарищ старший лейтенант.

– Отлично. Предъявите военный билет.

Я остался без движения, зато моя сопровождающая наклонилась над офицером и что-то быстро рассказала шёпотом ему на ухо.

Тот, прищурившись, оглядел меня с головы до ног, покачал головой, но ничего не сказал. Он быстро заполнил свои журналы, титульную страницу книжки, для чего задал мне несколько вопросов, и поставил в неё большую прямоугольную печать. В которую затем старательно внёс, насколько я понял, дату, время и свою подпись. После этих манипуляций он отдал книжку мне.

– Не теряйте. Удачи.

– Спасибо, товарищ старший лейтенант.

После этого маленького деревянного форпоста характер подземелья изменился. Успевший привыкнуть к предыдущим декорациям, я в очередной раз начал с любопытством осматриваться по сторонам. Трудно сказать, но, скорее всего, искусственного происхождения, ход был высечен в неизвестной моим скромным геологическим познаниям породе камня. Он имел красноватый цвет с белыми прожилками. Потолки были высокими настолько, что любой сказочный великан без труда мог гулять здесь под руку со своей дамой. Вместо электричества, так же, как и раньше, пространство вокруг освещали воткнутые прямо в глиняный пол факелы, придававшие своим потрескиванием, которое подхватывало эхо, особую, непередаваемую атмосферу. Здесь было по-своему необычно и величественно.

Началась череда залов. Их громадные купола соединяли между собой проходы, щедро оснащённые арками из дерева, но они, на мой взгляд, играли скорее декоративную, чем практическую роль. Здесь мы шли ещё дальше, чем в ходах из коричневого булыжника, а может быть, мне это показалось, потому что я устал и хотел пить и есть. Теперь я уже не сомневался, что лейтенант держит высокий темп специально, чтобы мне досадить. Но, как говорится, действие порождает противодействие – я крепился, как только мог.

Меня прошиб пот, когда мы подошли к воде. Один из залов заканчивался подземным водоёмом, в котором плескалась, отражая свет факелов, чёрная вода. Поблизости в бес-

порядке валялись лодки и вёсла, деревянные бочки и ящики, на которых стояли керосиновые лампы и старинные фонари. Пока мы подходили к воде, из тёмного арочного проёма, в котором скрывала своё продолжение водная гладь, выплыла лодка с двумя мужчинами.

– Не затаскивайте шлюпку, – крикнула им Алина, – мы сейчас поплывём.

– Хорошо, – ответили ей.

– Умеешь грести? – спросила меня офицер.

Я, любивший, чтобы ко мне обращались по имени, упрямо молчал.

– Митя, я бы на твоём месте всё-таки нашла бы время для того, чтобы вымыть уши. Грести умеешь?

– Нет, – признался я.

– Тогда иди и возьми вон из той бочки факел.

– Взял.

– Ну, так поджигай, раз взял! Ты всегда такой медлительный? Вон, от большого.

– Горит.

– Поплыли.

Вначале было легко увидеть потолок и стены хода, по которому мы плыли, но после того как мерные удары вёсел метр за метром относили нас в невидимую даль, они исчезли из радиуса действия моего факела. Несколько раз Мартыненко деловито доставала компас, сверяясь с ним, после чего снова продолжала неистово грести. Наконец устала и она.

- Перекур.
- Давай я тебя сменю.
- Ты же не умеешь.
- Буду учиться.
- Да уж, придётся.

Пока мы стояли, я принялся светить в воду, желая узнать, какова глубина озера. Но дна никак не удавалось увидеть. Вместо этого поперёк лодки, примерно в двух метрах под ней, проплыла какая-то чёрная тень, напугав меня настолько, что я чуть было не упал в воду. Это насмешило мою спутницу.

– А с тобой весело, Гарвий, – сказала она, наслаждаясь моим испугом. – Садись за вёсла. Светить надо не вниз, а вверх, для того чтобы в нас не врезалась другая лодка. Спустя некоторое время я понял, что начались самые тяжёлые, в физическом смысле, минуты за день. Проклятые вёсла были словно сделаны из свинца, и никак не хотели слушаться. Пот лил с меня ручьём, воздух вырывался из лёгких со свистом, но гордость никак не позволяла сдаться на милость этой колкой и противной девчонке.

– Сядь обратно и не позорься. Мы на жёлто-красное построение с тобой опоздаем, если будем так плавать.

Всё-таки ничего или почти ничего не делать – это счастье. Даже остаются силы критиковать тех, кто чем-то занят – хотя бы про себя. Несколько раз мы приближались к другим шлюпкам; Алина забирала из моих рук факел и делала им

какие-то знаки – ей отвечали тем же. Когда мы приплыли, я заметил, что нужный нам вход освещает голубой светильник, игравший, скорее всего, роль маяка.

– Когда мы отплывали, был такой же. Не заметил? – спросила девушка, заметив мой интерес.

– Нет, не заметил.

– Видишь, какой ты невнимательный. Вытяни лодку, и пошли.

За выходом нас ждал самый высокий подъём из тех, которые успели повстречаться на нашем пути. После него характер подземелья снова изменился. Сначала мы прошли по широкому деревянному мосту, проброшенному через подземную реку. По его краям стояли квадратные деревянные балки, соединявшиеся вверху поперечными брусьями. За ним нас ждал каменный дворик с низеньким заборчиком из булыжников по своим краям. В свою очередь, он заканчивался высокой стеной, сложенной из больших серых кирпичей, с тремя арками для входа. Проход в две из них, боковые, был заблокирован железными прутьями так, как это бывает в старинных замках из исторических фильмов. Средняя была свободна.

На каменном дворике, в правой его части, расположились на привал группа людей. Они разожгли костёр и готовили на нём что-то съестное. Запах варева защекотал мои ноздри и заставил ещё сильнее томиться в истоме желудка, подчеркнув толстой жирной линией мысли о еде.

Стена в ширину оказалась очень толстой, и нам пришлось прошагать десять, а то и пятнадцать метров, прежде чем она закончилась. Мы оказались в помещении с потолком из мелкого тёмно-серого кирпича, который протягивал свои руки-колонны к самому полу, достигая цоколя, поросшего мхом. Сами стены были выложены из разноцветных кирпичей средних размеров, выпиленных, если судить по их окраске, из разных пород.

– Стой, кто идёт! – остановил нас патруль.

Но стоило им взглянуть на лицо моего лейтенанта, как к нам сразу же отпали все вопросы. Комната использовалась как форпост, и, помимо патруля, здесь находилось ещё несколько солдат и сержантов, располагавшихся на деревянных скамьях.

– Где Лопарёв? – спросила у начальника патруля Мартыненко.

– Под первой лестницей уходи в пещерную систему. На входе спросите у наряда.

– Почему никто не стоит у входа в стену?

В ответ офицер покраснел как рак, насупился, но молчал.

– Заслужились, товарищ капитан? – презрительно бросила ему моя провожатая, наблюдая, как бойцы вскакивают на ноги и занимают положенные места.

– Я надеюсь, – тихим грудным голосом процедила лейтенант, – то, что я видела здесь минуту назад, мне просто почудилось из-за, вероятно, вредных испарений на мосту?

– Да, – тихо ответил ей начальник патруля.

Наш выход был слева. Он вёл на площадку, с которой открывался вид на просторный по размерам параллелепипед со стенками из синеватой породы, на которых на манер созвездий на ночном небе в ясную летнюю ночь соткал свой причудливый рисунок золотистый налёт.

Единственная лестница вела далеко вниз. И упиралась в другую, большую, площадку, воспользовавшись которой, можно было по деревянному узенькому мостику, висевшему буквой «Г», попасть в прямоугольный проём в правой от нас стенке параллелепипеда. Тем более, огни, светившие в нём, обещали много неизведанных пространств. На другой стороне площадки ещё одна лестница продолжала вести дальше вниз, навстречу дну, контуры которого угадывались с большим трудом.

Но, спустившись на эту самую большую площадку, мы не воспользовались ни следующей лестницей, ни деревянным мостиком, а свернули направо, где под лестницей, с которой мы спустились, у неприметного круглого входа в тёмную неизвестность стояли, как по струнке, два бойца.

– Где Лопарёв? – спросила у них офицер.

– Проходите, товарищ лейтенант, – ответили те. – Недалеко от входа, вы услышите голоса.

Мы вошли в проход и снова оказались внутри рукава естественной пещеры, освещённой электричеством. Какое-то время шли вперёд, после чего действительно послы-

шались голоса, ориентируясь на которые, свернули направо. Вскоре мы очутились в расширении, где у громадного, больше человеческого роста, вентилятора системы воздухообеспечения столпилось несколько человек. Один из них рассказывал, помогая себе бурным жестикованием:

– Товарищ полковник, здесь всё проще. Сгорела обмотка основного двигателя, а у кабеля питания запасного двигателя был слишком малый диаметр...

– Не выдержал? – спросил его тот, кого докладчик назвал полковником. В нём я сразу узнал человека, который докладывал, вернее, собирался это сделать, Меняеву на построении.

– Так точно!

– У нас есть двигатели этого типа на складе взамен перегоревшего?

– У нас три двигателя, командир, но все нерабочие. Я уже отдал команду, из трёх один рабочий соберём точно, возможно, даже два.

– Раньше надо было об этом думать, и двигатели вовремя чинить, а не ждать, пока они понадобятся! Сколько на это уйдёт времени?

– Ремонт – от одних до пяти русалий, как повезёт. Ну, ещё пять-шесть – пока мы его сюда притащим из Клина. Монтаж отнимет около двенадцати часов.

– Не дотащите вы его из Клина за шесть русалий никогда. Итого как минимум двенадцать русалий, – подвёл итог пол-

ковник, в задумчивости подбоченился и развернулся к нам:

– Здравствуйте, ребята.

– Здравия желаем, товарищ полковник! – практически хором ответили ему мы.

– Долго искали? – спросил он нас, рассматривая меня своими большими, и как почему-то мне сразу показалось, добрыми глазами.

– Нет, – ответила лейтенант за двоих.

– Ну, хорошо. Как ваша фамилия? – спросил Лопарёв меня.

– Гарвий. Курсант Гарвий, товарищ полковник.

Стоявшие рядом с ним люди, насколько я мог понять, инженеры, завершив небольшую перепалку между собой, теперь в нетерпении ждали, когда Вячеслав Иванович закончит с нами разговор и освободится. Он это почувствовал.

– Корнышева, займись молодым человеком, – отдал он приказ высокой красивой брюнетке с лейтенантскими погонами.

– Есть, товарищ полковник, – ответила она и с презрением покосилась на нас. Затем прищурилась и нехотя подошла ближе. Для этого её длинным ногам потребовалось сделать всего два-три шага. Куда уж там было до них коротеньким ножкам Мартыненко.

– Смотри не потеряй, – язвительно сказала моя, теперь уже бывшая, провожатая.

– Да уж не дождёшься, – ответила сквозь зубы ей брюнет-

ка.

– Товарищ полковник! – позвала Мартыненко успешного увлечься очередным спором Лопарёва.

– Что-нибудь ещё? – спросил он, хмуря брови оттого, что ему пришлось опять оторваться от обсуждения инженерных дел.

– Прощу прощения, на секундочку! – и она, приблизившись к Вячеславу Ивановичу, что-то прошептала ему на ухо.

– Спасибо, – поблагодарил он, и Алина, даже не взглянув в мою сторону, ушла.

«Интересно, эта такая же чокнутая?» – подумал я и посмотрел в лицо своему новому экскурсоводу. Меня ждала открытая улыбка.

– Тебя, похоже, тоже особо не жалует, – заметила лейтенант.

– Она так со всеми? – спросил я.

– Почти. Ладно, проехали. Меня Валерией зовут. Для тебя просто Лера. А тебя?

– Меня зовут...

– Хотя стой. Я же знаю. Ты – Митя.

– Вообще-то...

– Как тебе у нас? Даже представить себе не могу, как вы там живёте в своих скучных тупиках? Сегодня утром я про тебя слышала, – перешла она на шёпот, оглянувшись на остальных военных, – великий и ужасный командор говорил о тебе по телефону. Ты теперь будешь служить у нас,

в 47-м окончании. Не смущайся, я тебе всё расскажу.

В ответ я только и мог что улыбнуться: настолько сильно моя новая знакомая отличалась от лейтенанта Мартыненко.

– Товарищ полковник, разрешите?

– Да, Лера, по плану, как я тебе говорил, – ответил ей командир и тут же снова окунулся в разговор.

– Слушай, Валерия, а кто она? – спросил я после того, как мы сделали наши первые шаги.

– Кто, Мартыненко?

– Да.

– Она тебе что, не сказала? – рассмеялась Лера. – Мы адъютанты. Она – Меняева, я – Лопарёва. Ну а на ножах мы ещё с училища.

– А! – дошло до меня. – Теперь ясно, почему её так боятся.

– Меня тоже боятся. Но ты прав: не так, конечно.

– Да я про тебя и не говорил.

– Ну да, – снова рассмеялась она.

– А куда мы с тобой идём? – спросил я.

– О! У нас с тобой целая куча дел. Есть хочешь?

– Очень!

– Ну, тогда сначала в столовую.

– Здорово.

– А что такое 47-е окончание? 13-е – это Южный крест?

– Да. 13-е окончание – это весь Южный крест в целом. Ну а в нём ещё несколько окончаний. В том числе и мы – 47-е. Просто, в отличие от других, мы под боком, рядышком.

Меняев, ну ты уже понял, – командир всего Южного креста.
А Лопарёв – только 47-го окончания.

– Спасибо.

– За что?

– Что рассказываешь.

– Пустяки.

– Слушай, неужели Южный... 13-е окончание настолько большое?

– Хех! Ты даже себе представить не можешь, Митя, насколько! Кстати, за какие это такие заслуги, ну если, конечно, не секрет, курсанта определили сразу на КП?

– Прости, Валерия...

– Зови меня просто Лерой.

– Хорошо. Лера, если честно, я даже не знаю, куда меня определили. Да и что такое КП, – тоже.

– Ну дела. КП – это командный пункт. Подразделение Василькова, есть у нас такой майор. А занимается это подразделение тем, что в части, его касающейся, отслеживает всё, что творится в 47-м окончании, запрашивая на свои действия разрешение командира, конечно. Особенно КПшники следят за теми группами, которые покидают с разными целями нашу систему. Это и внешние подземные патрули, и наземные разведчики, короче, мало ли кто. Одним словом, больше всего ключей от наших, образно говоря, ворот – у них.

– Здорово, – понравилось мне.

– Ну да. Почему Василькову дали курсанта – это конечно,

вопрос, но ты можешь быть своей судьбой доволен: место стоящее.

– Слушай, а мне отдадут мои вещи?

– Конечно. Они уже ждут тебя в профике.

– А что такое профик?

– Профилакторий. Место, где ты будешь жить.

Так разговаривая, мы незаметно для себя самих пришли к озеру.

– Слушай, Лера, – спросил я после того, как мы сели в лодку, – когда мы с Мартыненко плыли сюда, я посветил в воду факелом и увидел какую-то страшную тень. Ты не знаешь, что это могло быть?

– Сильно испугался?

– Если честно, то очень.

– Не стоит. Это был протей.

– Кто?

– Протей. Они слепые. Но могут чувствовать свет кожей. Вреда от них никакого, а ещё знаешь что интересно? Они могут и рожать детёнышей, и откладывать яйца.

– Ух ты.

– Ага. Рыбин говорит, что, скорее всего, они личинки каких-то давным-давно вымерших громадных хвостатых амфибий. И их щитовидкам не хватает определённых микроэлементов, чтобы запустился естественный механизм, который превратил бы их в хвостатых чудовищ. Правда, занятно?

– Ага, – ответил я. – Давай я погрёбу?

– А ты умеешь?

– Не очень.

– Тогда лучше покатаешься потом. Мы сейчас торопимся, да и потом, насколько я поняла, ты хочешь есть.

– Хорошо. А озеро глубокое?

– Это да.

– У вас их что, много?

– Много. И кстати, в некоторых можно купаться. Вода подогревается геотермальными источниками.

– Ты шутишь?

– Нет, правда. У нас тут есть один аквалангист, потом познакомишься, подполковник Громаков, так он частенько любит исследовать какое-нибудь из озёр.

– А в этом какая температура?

– 15 градусов, если я правильно помню.

– А какая температура воздуха вообще в 13-м окончании?

– В 47-м, то есть здесь, у нас, двенадцать градусов круглый год. В остальных окончаниях просто не знаю. Если она и отличается от нашей, то ненамного – не думаю, что более чем на пять градусов. Кстати, как тебе наш знаменитый прозрачный плац в Яштыре?

– Ваш разлом называется Яштырем?

– Вообще-то, его настоящее название – Куар-Древо, но мы чаще зовём его Яштырем.

– Куар-Древо? Откуда такое дурацкое название?

– Это всё наш Рыбин расшифровал. Сказал, что наши

предки звали разлом именно так.

– А кто такой Рыбин?

– Учёный. Начальник фракции РАГ – расчётно-аналитической группы 13-го окончания. Ну и как все гении, он, конечно, слегка не в себе, но в меру – самую малость. У нашего окончания тоже есть своя расчётно-аналитическая группа, но в ней все нормальные и поэтому скучные. Со временем перезнакомишься и с теми и с другими. Ты же КПШник. Тебе положено знать всех.

– Кстати, пол, в смысле плац – просто атас!

– Понравился?

– Я просто высоты боюсь панически.

– Это плохо. По Яштырю придётся лазить как макака. Часто бывает так, что обходных путей, даже длинных, просто не будет. Особенно теперь, когда укреп-уровни соединены между собой только одним порталом.

К этому времени мы переплыли озеро, и затащили на берег лодку.

– Кстати, Митя, ты запоминаешь, как мы идём?

– Да, стараюсь.

– Запоминай обязательно. Когда ты попадёшь на командный пункт, сначала тебя начнут натаскивать на курьера. Это потом наступит счастливый день, когда ты заступишь на своё первое дежурство оперативным дежурным 47-го окончания. А пока тебе придётся за русалию наматывать в буквальном смысле десятки километров на своих ногах. Да и с то-

бой я смогу ходить только сегодня. Уже завтра ты пойдёшь на службу самостоятельно.

– Ясно. А Яштырь глубокий?

– Да, очень.

В следующем от причала зале мы наткнулись на человека, мирно и любезно разговаривавшего с Алиной. Казалось, что его ХБ выцвела, когда я ещё не родился. Тем не менее, её погоны украшали две больших звезды с каждой стороны. По тому, как щёки подполковника висели, словно спущенные флаги, на своих местах, было нетрудно догадаться, что раньше их хозяин был полным.

– Здравия желаем, товарищ подполковник, – поздоровалась с ним Валерия.

– А, Корнышева? Привет! – ответил он.

Его маленькие кабаньи глазки изучающе забегали по нам. Мартыненко фыркнула.

– Это, что ли, и есть новый КПШник? Ну, здравствуй, курсант, – и он протянул мне руку, которую я пожал.

– Он самый, Константин Петрович, – язвительно вставила Алина.

– Разве спрашивали тебя? – парировала Лера.

– Ну не ссорьтесь, девочки! – проговорил подполковник. – Ну сколько можно! А тебя ждём, – повернулся он ко мне. – Только на зачётах пощады не жди, – я тебя предупредил!

– Это кто? – спросил я, когда мы отошли. – И что ещё за зачёты?

– Это Русаков. Он начальник штурманского отдела. Короче, это ваши непосредственные конкуренты. Но перед тем как ты станешь и полноценным курьером, и действующим оперативным дежурным, вы сдаёте так называемый допуск, состоящий из зачётов. В том числе и ему.

Как известно, за беседой время течёт незаметно. Наверное, поэтому мне показалось, что залы из красноватой породы с белыми прожилками были пройдены скоро. На портале нам в книжки поставили печати. Тем же самым путём, каким мы пришли сюда с Мартыненко, мы возвращались обратно с Корнышевой.

– Лера, а как называется укреп-уровень, на котором мы только что были?

– Клеть.

– А этот?

– Аркс.

Путь, пролежавший через коридоры из коричневых булыжников, мы прошли тоже быстро. Конечно, было легче – ведь на многочисленных лестницах мы теперь спускались, а не наоборот. На маленькой площади с колодцем остановились, чтобы попить. Сразу же после нас пришла утолить жажду группа молодых людей, которые, приветливо улыбаясь, здоровались с Лерой и знакомились со мной. Правда, их было слишком много, чтобы я кого-нибудь запомнил.

– Так, – переводя дух, сказала моя проводница, – надо идти так, чтобы ты потом самостоятельно не заблудился. Или

хотя бы не сразу заблудился. То есть, – задумчиво продолжила она, – через Яштырь. Говоришь, боишься высоты?

– Да.

– Ну, тогда научишься Родину любить.

И мы, развернувшись спиной к колодцу, вошли в широкий коридор пещеры, которую я из-за обилия мишеней и тренирующихся по ним стрелков прозвал про себя Аллеей лучников.

– Знаешь, как называется эта пещера, Митя?

– Аллеей лучников?

– Подошло бы, но нет. Аллеей одиннадцати рук.

– Наверное, потому что маленьких боковых ходов по количеству одиннадцать?

– Точно.

Когда мы вышли к Куар-Древу, меня ждал сюрприз. Многообразие разноцветных источников света Яштыря сменили огни одного единственного – голубого цвета. Видя моё замешательство, лейтенант с улыбкой объяснила:

– Только на утреннем и вечернем построении горят все огни. А сейчас время голубых склянок – то есть утро. Так мы отмеряем время наших суток – русалий.

– Понятно, – ответил я, тоскливо глядя в бездну, которая разверзлась перед моими ногами.

– Ничего, со временем привыкнешь, – успокоила меня офицер, и мы начали спускаться. На прозрачном плацу, который деловито пересекали, как будто бы это самая обыч-

ная вещь на свете, спешащие по своим делам люди, мы подошли к краю, и, пройдя вдоль каменной громады Куар-Древа, вышли к месту, где в специальный проём между прозрачным полом и стеной уходила вниз верёвочная лестница. В какой-то момент моё сердце ёкнуло, и было готово выпрыгнуть из груди. В глазах потемнело. Я прикоснулся к канату лестницы и стал медленно успокаиваться, к счастью, моя проводимая как раз в это время отвлеклась на содержимое своих карманов. Постепенно я пришёл в себя.

– Я первая.

– Давай.

– Только не смотри вниз, хорошо? Нам неглубоко, тут рядом.

– Ладно.

– Смотри, шапку не оброни, с формой у нас туго.

– Не оброню.

Спускались мы действительно недолго. Вслед за девушкой я воспользовался громадной вертикальной скобой, для того чтобы соскочить с лестницы в грот, освещённый факелами. Теперь прозрачный пол был не под нами, а нависал сверху, отчего было немного непривычно, хотя, с другой стороны, когда это я успел привыкнуть, что он внизу?

– Таких проёмов, ну, между полом и стеной Яштыря, много, видел?

– Не успел.

– Но после того как вышел приказ оставить между каж-

дыми двумя укреп-уровнями Креста только по одному пор-
талу, из других проёмов убрали лестницы и скобы. Так что
осторожнее. Лестница только здесь, запомни.

– Запомнил.

– Хорошо, пошли, вот и портал.

После того как отметились, и я узнал, что наш путь в на-
стоящее время пролегает по укреп-уровню со смешным для
моих ушей названием Улей, мы снова оказались в естествен-
ной пещере. На меня опять накатила волна слабости, и я
уже начал всерьёз подумывать над тем, не стоит ли попро-
сить у моей новой знакомой пощады, для того чтобы остано-
виться где-нибудь на перекур. «Кстати, – отметил я про се-
бя, – как же хочется курить!» В госпитале мне не разрешали
и не давали сигарет, а теперь я не знал, как их раздобыть,
а спросить стеснялся.

– Смотри, – сказала Валерия после того как мы подошли
к месту, где наш ход распался сразу на три коридора, – это
место называется Троеперстница. Запоминай: левый проход
поднимается вверх, правый спускается вниз, а средний оста-
ётся на месте... Кстати, он нам и нужен. Пройдёт время,
и ты, как и все, научишься использовать самые короткие пу-
ти. А пока твёрдо запомни: самый короткий путь – это самый
известный. 13-е окончание огромно, его можно изучать го-
дами, даже десятилетиями, но так и не знать до конца. Кста-
ти, я серьёзно.

– Разумеется, – вздохнул я, вспоминая свой 72-й учебный

центр подземных коммуникаций сопротивления. Когда-то он представлялся мне большим. А теперь в моём сознании сжался до игрушечного.

Примерно через двадцать минут пути я в который раз отложил свою просьбу о привале, только потому что услышал шум текущей воды. Вскоре мы вышли к подземной реке. Это было что-то вроде теснины: под решетчатым железным настилом, сквозь ячейки которого вполне было можно рассмотреть, что происходит внизу, бурным потоком, где-то на глубине метров двадцати, текла речка, эффектно подсвечиваемая электричеством. Направо и налево, вдоль по её руслу в воздухе пролегал навесной мост, по которому можно было идти дальше, после того как железное перекрытие заканчивалось.

После того как мы миновали портал, нам никто не встретился, здесь же было много людей. Ход, которым мы пришли, за железным мостом заканчивался деревянными воротами, у которых дежурили солдаты. Но, как оказалось, проходить сквозь них не нужно. Слева от ворот, посередине изящно отделанной стены из белого мрамора, нас ждали деревянные двери, к которым вели ступеньки из зелёного камня, возможно, малахита.

Возле них очень величественно и эффектно стояли две грубо высеченные из камня статуи. Обе изображали женщин, которые в своих высоко поднятых вытянутых руках держали крупные светильники, освещавшие своим ярким

белым светом всё вокруг.

– А вот и столовая, Митя. Заходи.

Внутри было, один за другим, два коридорчика, в одном из которых была раздевалка, где мы повесели свои бушлаты и шапки, а во втором – раковина во всю длину. В ней мы, правда, без мыла, вымыли руки. В основном зале было очень красиво и светло. Так, что я зажмурился от света. Посередине стояли аккуратными рядами квадратные столики со стульями; по бокам были огромные кухонные столы, за которыми виднелись дверные проёмы, ведущие на кухню. На правой от входа стене висело огромное полотнище, вышитое яркими, красочными сценами.

Из, так сказать, клиентов, кроме нас никого не было. Однако стоял шум и визг. Возле женщины, стонавшей сквозь слёзы, собрались другие для того, чтобы её успокоить. Лера, как ни в чём не бывало, повела плечами и села за один из столиков. Вслед за ней присел и я. На вид возмутительнице спокойствия было около сорока лет. Здесь за всё моё пребывание в Южном кресте мне во второй раз встретились взрослые люди не в форме, и то только потому, что они были в обыкновенной спецодежде официанток и поварих. В первый раз были белые халаты в госпитале.

Мне сразу вспомнился похожий случай в госпитале. Но ещё больше я удивился, когда посмотрел на Корнышеву. Эта весёлая и открытая девушка преобразилась: её ноздри раздувались, а глаза гневно сверкали. Вместе с тем было

невозможно не понять, что она в одном тоненьком волоске от того, чтобы не разреветься самой.

– Лера, – как можно мягче сказал я. Это вывело лейтенанта из оцепенения; утихли страсти и у поварих.

– Что происходит? – спросил я.

ГЛАВА III, в которой главный герой обретает целых два новых дома

Моя собеседница виновато улыбнулась, сморщила лоб и после нескольких секунд раздумий сказала:

– Видимо, ты ещё пока не знаешь про нашу беду. Каждый борется с ней по-своему. Галя, например, вот так. А я просто стараюсь о ней ничего не говорить, только делать. Могу я сейчас промолчать об этом?

– Да, конечно! – поспешно согласился я.

– Лерочка, привет! – подошла к нам та самая женщина, которую успокаивали. Остатки слёз ещё можно было рассмотреть в её глазах, тем не менее, она старалась нам улыбнуться.

– Здравствуй, Галя!

– Это новенький? Здравствуйте, молодой человек! Я – Галя, а Вы?

– Меня...

– Это Митя, – перебила меня офицер. – Покажешь ему после того, как мы поедим, его место?

– Конечно, покажу. Проголодались?

– Ужасно!

– Тогда я всё несу! – и официантка исчезла, но только

за тем, чтобы через минуту появиться с подносом еды.

– Вот, приятного аппетита! – сказала она и принялась с нашей помощью составлять тарелки на стол. О том, как и что я ел по пути в Южный крест, теперь приходилось только вспоминать. Жидкая похлёбка, жёсткая каша, каменные галеты – одним словом, рацион был точно такой же, как и в госпитале.

– После того как позавтракаем, Галя покажет тебе твой столик. Сейчас никого нет, потому что завтрак уже закончился. Если бы мы пришли вовремя, ты бы увидел, что тут яблоку негде упасть, – объяснила мне адъютант.

– Ух ты, как красиво! – удивился я, обернувшись.

– Нравится?

– Да, а что это?

– Гобелен. Доедай быстрее, нам пора... Галя!

После того как мне показали мой столик, мы отправились дальше.

– Куда теперь, Лера? – спросил я.

– А теперь в баню! – хмыкнула она.

Вышли из столовой, свернули налево и пошли по деревянному мостику, нависающему над руслом подземной реки на толстых железных тросах. От наших шагов он раскачивался из стороны в сторону, что ничуть не смущало мою провожатую. Я осторожно посмотрел вниз. Какой точно была высота, было не видно, но очевидно, что порядочной. Я тихонечко вздохнул. Моё воображение за время пути успело нарисовать Южный крест как волшебную страну, в которой

точно не было и намёка на подобные места.

– Этот мостик очень длинный и пролегает по окружности русла, – сказала офицер. – Река течёт с востока, но раздваивается и отекает Яштырь с двух сторон, так что внешне получается почти правильный круг. Он называется Малым колесом.

– А что, есть и Большое колесо?

– Да, есть.

На этот раз шли долго, как никогда. Изредка нам попадались встречные пешеходы, с которыми приходилось аккуратно расходиться. Возможно, из-за того, что обстановка вокруг нас была однообразной, а идиотский раскачивающийся мостик хотелось как можно скорее покинуть, этот переход казался бесконечным.

Поэтому когда мы достигли соединительного моста, сделанного не из железа, как предыдущий, а из булыжников, и сошли по нему налево, я обрадовался. За мостом лил свои воды водопад, брызги которого из-за освещения жёлтым светом казались золотыми.

– Нам сюда, – потянула меня за рукав Валерия к одной из вырубленных в камне лестниц, ведущей вниз.

– Ничего не вижу!

– Дай руку! Чёрт! Надо сказать, чтобы заменили перегоревшие лампочки... А вот и дверь!

Внутри было светло и тепло. Это была действительно баня. Под нашими ногами был дощатый пол, покрытый на-

столько небрежно, что любая из его щелей могла с лёгкостью поглотить если не пачку из-под сигарет, то спичечный коробок точно. Под ним журчала вода – видимо, подземная река или её приток протекал или рядом, или прямо под нами. Вверху было замысловатое нагромождение из деревянных балок, на которых было в изобилии развешано бельё для сушки. По обеим сторонам комнаты горели, не на шутку полыхая огнём, два камина. Около них валялись дрова. Повсюду в беспорядке стояли скамейки и лавки. На них люди обоих полов со смехом и разговорами приводили себя в порядок после купания.

Валерия тут же нашла своих знакомых, с которыми принялась болтать.

– Вон туда, – указала она, видя моё замешательство, на проём, располагавшийся в противоположной стене комнаты, и добавила: – Мальчикам налево. Полотенце возьмёшь из той стопки. – И снова отвернулась от меня, окунувшись в беседу.

Посередине следующей комнаты стояло две громадных, размером с маленький бассейн, бочки. Сверху каждую из них накрывал балдахин из плотной жёлтой материи с красным узором. На противоположной стороне помещения горел, весело потрескивая дровами, камин, а на поленьях дров рядом с ним, развалившись на всю свою длину, спал старый чёрный кот. К деревянным балкам, которые так же, как и в предыдущей комнате у потолка образовывали целый

лабиринт из своих пересечений, были подвешены фонари с горящими свечами внутри. Кроме меня здесь больше никого не было. Вешалки для одежды стояли возле камина. Я попробовал на прочность лесенку, приставленную к бочке, потрогал воду внутри неё – она оказалась тёплой настолько, что вызывала улыбку удовлетворения.

– Ну как? – спросила меня лейтенант, после того как я вымылся и оделся.

– Здорово! – ответил я.

– Сталкер там?

– Кто?

– Кот. Чёрный.

– А, ну да. Спит у камина.

– Пошли. Нам обратно до столовой, и ещё столько же. Напрямую по ходам петлять не будем, всё равно не запомнишь, пойдём по мостику.

– Хорошо. А куда?

– Покажу, где ты будешь жить.

Несмотря на долгую продолжительность пути, он прошёл незаметно. Возможно, благотворно подействовало купание, может быть, скудная столовская пища или, кто знает, лёгкая незатейливая беседа, которую мы с Лерой вели по пути.

Свернув вправо на таком же каменном мосту, как и перед лестницей, ведущей к купальне, мы оказались на каменной площадке довольно просторного пещерного грота. Дорожка, ведущая через неё к входу в стене, которой заканчивалась

площадка, была тускло освещена. Маленькие зелёные огоньки, соединённые гирляндой, свисали в воздухе, на уровне головы, от одного столба к другому.

– В самом профике электричества нет, – сказала моя новая знакомая. – Ну да там и без него весело. Я и сама в нём когда-то жила, здоровское это было время.

Мы вошли внутрь и оказались в холле. Слева было окно, видимо, в помещение дежурной, чтобы она или он видели, кто вошёл. Дальше – умывальник: в дверной проём были видны умывальные раковины. По его бокам были два коридора, из которых виднелись двери в комнаты. Навстречу нам тут же вышла пожилая женщина самого бойкого вида. На ней был одет старинный ХБ песчаного цвета с прапорщицкими погонами. В руках она держала керосиновую лампу.

– Лерочка! Привет! Как дела, милая, выглядишь чудесно! Скучаешь, правда? Что нового? Какие новости? Да, какая беда! – проговорила женщина энергичной скороговоркой.

– Здравствуйте, Людмила Петровна! Я вам новенького привела. Это – Митя.

– А я Людмила Петровна Рябуха, – деловито улыбнулась она своими тонкими губами и сдвинула брови: – В комнатах не курить! В какой номер поселять?

– Людмила Петровна, а моя свободная?

– Четвёртая?

– Да, четвёртая.

– Как раз освободилась. Делегация из Радужа две недели

жила. Набожные... Ну да как обычно. Пойдёмте, покажу.

Мы свернули направо, и через две двери по левую руку, после того как Рябуха отперла его специально для этого взятым ключом, вошли в номер. Слева стоял шкаф. Прямо – сначала настоящий камин, потом стол со стулом и настольной керосиновой лампой – обстоятельство, которое я очень ценил. Справа было целых три кушетки, сбитых из досок. Возле них – три тумбочки, на которых стояли подсвечники со свечами, сгоревшими примерно наполовину.

– А что за окном? – спросил я, увидев небольшое приоткрытое круглое окошечко, в которое было вставлено – не разобрать из-за плохого освещения – скорее всего органическое стекло.

– Посмотри сам, – посоветовала Лера.

– Правда, красиво? – спросила Людмила Петровна. – Кстати, река протекает прямо под нами.

– Да, красиво, – согласился я, рассматривая подземное озеро, тускло освещённое светильниками, испускавшими зелёный свет.

Комната была уютной даже в таком освещении, но мне почему-то казалось, что она успела мне так сильно понравиться ещё до того, как я её увидел.

– Людмила Петровна, – сказал я, – а можно выбрать её?

– Ну не знаю, – задумалась Рябуха. – Наверное, нет. Она же трёхместная, а ты всего один.

– Тётя Люда, а если я попротежирую? – заступилась за ме-

ня Корнышева.

– Эх! – ответила прапорщица. – Если ты за него просишь, тогда ладно. Алла Ивановна, конечно, будет нить, пусть. Это вам повезло, что её нет.

– Если Алла Ивановна будет против, скажите, что Лопарёв приказал, а я уже тогда с Вячеславом Ивановичем договорюсь.

– Хорошо, так уж и быть, если что, то скажу. Пойдёмте, дам вам ключ...

– Людмила Петровна, вы не подскажите, где его вещи? – спросила офицер.

– А вещи, милые, под замком у Аллы Ивановны. Она часика через два придёт.

– А в фиолетовые или жёлто-красные склянки она будет? Я просто не знаю, когда его Васильков отпустит.

– Да, конечно будет.

– Отлично. Слышал, Митя? Тогда вещи и получишь.

– Спасибо, хорошо.

– Ну, мы пошли, до свидания, Людмила Петровна.

– Удачи, ребятки.

– Классная тётка, – сказала Валерия, когда мы снова вернулись на мостик и пошли обратно. Если что, на неё можно смело положиться – не выдаст. А Алла Ивановна – противная. Но она комендант профилактория. Кстати, как тебе комната, Митя?

– Мне очень понравилась. Спасибо тебе, Лера.

– Хавай – оставишь. Теперь в нашем списке остался только один командный пункт. Как куда идти запомнил?

– Да. Сейчас мы возвращаемся обратно к столовой?

– Верно, и от столовой прямо в ворота.

– Понятно.

Как прошёл обратный путь к столовой, я почти не заметил. Моя бабушка любила повторять поговорку о том, что человек такая собака, которая со временем привыкает к чему угодно.

За воротами нас ждала широкая просторная пещера с хорошим освещением, от которого за время наших с Корнышевой прогулок по мостику я успел отвыкнуть. Около десятка дорожек из жёлтых и зелёных кирпичей, причудливо переплетаясь между собой, вели под довольно ощутимым уклоном вниз. Повсюду было громадное количество сталактитов, сталагмитов и сталагнатов.

– Правда, красиво? – спросила меня моя спутница.

– Да, – машинально ответил я.

– Знаешь, как называется эта пещера?

– Как?

– Аллеей павших героев.

– А почему?

– Потому что в её боковых гротах расположены кладбища Южного креста.

Сначала послышались голоса, и только потом мы увидели, что навстречу нам приближается группа людей. Их было пя-

теро. Одетые в штатскую замызганную одежду, исцарапанные и запылённые, они устало брели, еле передвигая ноги. Разминувшись, мы поздоровались.

– Это группа наземных разведчиков, – пояснила мне лейтенант, видя, что вопрос об этих людях так и вертится на моём языке. – Возвращаются с задания. Слушай, Митя, загулялась я тут с тобой! Мне давно уже обратно к себе надо, прибавь-ка, друг, шагу!

В конце пещеры моему взору предстала диковинная конструкция. Возле неё, словно гном из компьютерной игрушки, стоял коренастый прапорщик. На его красном, цвета кирпича лице развевались красивые и пышные, выбеленные серединой усы.

– Лерочка, привет, – прогудел он, здороваясь первым.

– Здравствуйте, дядя Коля! Как ваше?

– Наше в порядке, – заверил он, мотнув головой.

Мы подошли ближе. В воздухе запахло спиртом.

– Может быть, Валерия Владиславовна, ну хотя бы в этот раз? – хитро прищурившись, спросил он. – Или молодой человек боится?

– Ну что ж, Николай Иванович, давайте! – с озорством ответила лейтенант и подпёрла свою талию руками.

– Я не ослышался?

– Нет! – подтвердила Лера и почему-то хихикнула.

Это был перрон для вагонеток. Но на этот раз на нём было кое-что ещё. А именно: параллельно шпалам были про-

ложены, в количестве четырёх штук, стальные брусья с таким расчётом, что расстояние между ними по окружности сохраняло одинаковую величину. Внутри них располагалась сфера. На удалении, когда мы ещё не подошли, казалось, что она в высоту сравнима с ростом человека, но вблизи стало видно, что больше. То есть этот человек должен был бы встать на ящик, чтобы сделаться вровень с ней. Справа от неё, скрытая от взора из-за плохого освещения, располагалась установка, отдалённо напоминающая, если, конечно, задействовать воображение и отбросить детали вроде пульта управления и соединительных кабелей, жерло пушки.

– Ну, тогда полезайте внутрь! – возбуждённо потёр свои ладони прапорщик. – Обожаю пользоваться этой штукой!

В который раз за день у меня засосало под ложечкой. Я вздохнул, а Корнышева снова нервно хихикнула. Николай Иванович тем временем быстро, словно боясь, что мы можем передумать, открыл дверь в сферу, взмывшую на гидравлике вверх, и принялся бегать вокруг установки, щёлкая какими-то тумблерами и переключателями. Послышалось гудение аппаратуры, замерцали лампочки.

– Лера, это что? – спросил я.

– Давай в неё сядем, – поторопила меня офицер. – Сейчас сам всё поймёшь.

Внутри были две площадки для того чтобы, стоя на них, схватиться за боковые поручни. Фиолетовые диоды наполняли внутренность шара своим едким цветом. Множество

ремней, свисавших отовсюду, предназначались для фиксации тела, потому что Николай Иванович сразу же после того как мы заняли свои места, принялся нас ловко и тщательно прикреплять к внутренней поверхности сферы. До этого, надеявшийся, что ошибся со своими предположениями, я смирился с неизбежностью необычного путешествия. Валерию тем временем разбирал нервный смехок, с которым она никак не могла справиться.

– Не бойся, Митя, жить будем – хихикала она. – Вот только вместе вряд ли!

– Всё! – крикнул нам прапорщик, стараясь перекрыть нарастающий гул. – Закрываю.

– Давай! – смеялась моя провожатая.

Дверь захлопнулась. Я напрягся. Однако шар покотился в противоположном, чем ожидалось, направлении, и совсем тихо. Преодолев так около пяти метров, встал и завибрировал. Гул установки нарастал. Как часто бывает после томительного ожидания, всё произошло неожиданно. Перед глазами замелькал калейдоскоп из цветных искр, который я прекратил тем, что закрыл веки; внутренние органы почувствовали себя так же, как монеты в копилке в то время, когда её трясут. Состояние беспомощности такое же, как у маленького котёнка, когда его за шкурку поднимают на солидную для него высоту, овладело мной. Инстинктивно я вытянул вперёд голову, но после того как начала ныть шея, сообразил, что голову лучше прислонить к поверхности шара,

где для неё была сделана специальная набивка.

Трудно сказать, сколько продолжалась эта свистопляска. Постепенно шар терял скорость, иногда снова ускоряясь в силу того, что спускался вниз. В конце концов, испытыв торможение, наверное, из-за специального покрытия на брусках (а может быть, потому что пространство между ними просто сузилось), мы остановились. Прежде чем открылась дверь, сферу прокрутили: видимо, выход блокировал один из стальных полозьев.

– Ну как? – спросила меня бледная Валерия, после того как дверь в шар открыли снаружи.

– Грандиозно! – ответил я, в целом не слишком и испугавшийся. Всё-таки самым слабым моим местом был страх высоты.

– Здравствуйте! – поздоровался с нами старший прапорщик, принимаясь воевать с нашими ремнями. У него было смуглое серьёзное лицо с большим носом. Смоляные глаза, смотревшие из-под огромных косматых бровей с упрямством и степенностью, оценивающе пронизывали меня насквозь. Наконец, их хозяин улыбнулся и протянул мне руку (к этому времени моя правая рука уже была свободна от пут):

– Меня зовут Николай Маркович. А ты, значит, и есть наш Митя? – он энергично начал её трясти.

– Он самый, Маркович! – ответила за меня офицер, разминая ноги. – Васильков на месте?

– Все на месте, Лера, ждут вас. И твоя однокашница тоже

здесь. Фыркает, как обычно.

– Алина?

– Она самая. Не могу понять, что здесь забыла.

– Хм... Интересно... А впрочем, ну и что.

– И то верно. Ну, проходите. А ты, Митя, будь как дома, потому что это твой второй дом.

– Спасибо, – ответил я.

Из грота, в который мы прибыли на сфере, вела вверх широкая каменная лестница, по которой мы принялись подниматься.

– Уф, прошло, – облегчённо выдохнула воздух из лёгких лейтенант.

– Ты о чём? – спросил я.

– Смех. Между нами, Митя... Ты точно никому не скажешь?

– Не скажу, могила.

– Так вот, если по-честному, то сама я на этой штуке не езжу.

– Кстати, как она называется?

– Гиперпаланкин. Но мы её часто зовём просто бильярдом.

– Гм, ну да. А железная дорога из вагонеток как называется?

– Просто паланкином.

– А почему сама не едешь?

– Тебе соврать или сам догадаешься?

– Ясно. И от этого ты всё время хихикала?

– Ну да.

За время нашего коротенького разговора мы поднялись по лестнице в холл, в котором было много дверей. Из него мы снова начали взбираться вверх по другой, самой обыкновенной лестнице. На следующем этаже были двери: налево и прямо. Коридор справа был плохо освещён, из-за чего я не смог рассмотреть, чем он заканчивался. Прекратив подниматься дальше, мы остановились перед дверью, которая была прямо. Справа от неё висело приспособление, которое я сначала принял за кодовый замок. Но ошибся. Офицер нажала на нём кнопку и произнесла:

– Лейтенант Корнышева и новенький.

Ей что-то ответили на другом конце, но с такими помехами, что я просто не смог разобрать. Послышался щелчок отпираемой двери.

Внутри было чисто, уютно и тепло. Окно, прорубленное в камне, оказалось закрыто жалюзи. На потолке горели люминесцентные лампы дневного света. Посередине комнаты, в которой мы оказались, стоял пустой стол, а за ним стулья. Справа был длинный открытый шкаф, на крючках которого висела разная военная одежда. Стены украшали стенды, а за шкафом был проход в следующие помещения, которым мы тут же воспользовались, потому что в этом никого не было.

ГЛАВА IV, в которой главный герой на своей собственной шкуре узнаёт, насколько жаркими могут быть объятия

Зато в следующей комнате находилось много людей. В её центре был длинный стол, но не пустой, а напичканный самой разной аппаратурой. Слева было два окна, которые так же, как и окно в первой комнате, закрывали жалюзи. Справа мерно гудела, обозначая свою собственную работу, какая-то установка, не похожая ни на что, что мне приходилось видеть раньше. На всех стенах, кроме противоположной (она представляла собой громадный планшет из оргстекла с боковой дверцей), висели карты пещер и ходов. На них самым подробным образом были изображены неизвестные мне места подземного мира.

На дальнем от нас торце стола сидел человек, который, судя по тем невидимым потокам флюидов, бессознательно испускаемыми всеми нами, был здесь главным. Он обладал яркими синими глазами и лицом из тех, какие рисуют на картинках, для того чтобы их потом с лёгким сердечным трепетом вырезали девочки-подростки и клеили в свой альбом. Слева от него на кожаном диване сидели две девушки с чай-

ными чашками в руках. Одной из них была лейтенант Мартыненко. Вторая имела шикарные жёлто-карие глаза, правильное лицо, очерченное совершенным рисунком красоты, и фигуру спортсменки, которую украшали налитые мячики груди с целящимися вперёд сквозь повседневную военную рубашку острыми карандашами сосков. На её плечах были погоны старшего лейтенанта.

В левой части стола, там, где был эпицентр аппаратуры и средств связи, в выцветшем пятнистом демисезонном костюме сидел худощавый молодой человек с маленькими блеклыми глазами, но с большим ртом, состоящим из длинных тонких губ, в данный момент извивающихся в приветливой ухмылке. За ним на подоконнике сидел высокий и крупный молодой мужчина в афганке, с большими залысинами и энергичными, подвижными глазами. Казалось, что он создан для движения и ему трудно устоять на месте.

Возле дверцы в планшете с кружкой в руке, в идеально выглаженном ХБ стоял низкорослый кавказец. Тёмные волосы на его голове были аккуратно прилизаны, а чёрные глаза с интересом блестели. Манера держаться претендовала на обладание её владельцем завидной доли интеллигентности, а внешность говорила о том, что я вижу перед собой, скорее всего, доблестного сына азербайджанского народа. Рядом с ним на двух стареньких деревянных стульях сидели две женщины. Примерно одинакового возраста, как раз того, когда женщины становятся только на 10 лет старше

своих дочерей. Первая была круглолица и симпатична, вторая, слишком худая даже для новых стандартов, прямо таки состояла из острых углов и тонких линий.

Все эти люди, за исключением, пожалуй, Алины, с отсутствующим видом отхлебнувшей напиток из своей кружки, с интересом смотрели на меня.

– Всем здравствуйте! – поздоровалась Корнышева. – Ну вот, привела вам пополнение. Тем более, давно просили.

Все, кроме начальника, вразнобой поприветствовали нас.

– Когда вернутся наши курьеры, Валерия Владиславовна? – спросил человек, сидевший на торце стола. – Мы парализованы и не справляемся! Ну не могу же я, в самом деле, оперативных дежурных бегать посылать?

– Вы задаёте этот вопрос каждый день, Сергей Александрович, – ответила моя провожатая. – Хотя отлично знаете, что это сделано по приказу Меняева, а не Лопарёва. Если не ошибаюсь, – чуть помедлила она, – просто не видно за вами, именно его адъютант пьёт кофе на вашем диване. Почему бы вам не спросить его, а не меня?

– Чай, милая Лера, я пью чай, – елеинным голосом ответила Мартыненко. – Смотри, лбом о перекладину не стукнись, когда будешь отсюда выходить! – закончила она фразу советом, который произнесла своим обыкновенным тоном, щедро сдобренным презрительными нотками.

– Что касается курьеров, – продолжила она, – то мне казалось, что этот момент предельно ясен. Или у вас всё-таки

остались вопросы, Сергей Александрович?

– Нет, – повёл плечами мужчина, вертя в своих руках ручку.

– Отлично!

– Присядете, Валерия? Может быть, чаю? – спросил азербайджанец.

– Да, да, простите мою невнимательность, – поддержал его, встав со своего места, мой будущий шеф. – Ну что ж, здравствуйте, – подошёл он к нам, и протянул мне свою широкую ладонь для рукопожатия. – Я – майор Васильков Сергей Александрович, начальник командного пункта 47-го окончания. Это, – он показал на обладателя высокого лба, – Олег, а точнее – майор Токарь. А это – майор Самедов. Вагиф Эфраим оглы, – указал он на галантного сына Кавказа.

Его прервал громкоговоритель прошипевший что-то невнятное.

– Маркович, – сказал парень за столом и нажал одну из бесчисленного количества кнопок.

Через несколько секунд, уже без бушлата, одетый в чёрный технический костюм, в дверном проёме действительно возник старший прапорщик, сосредоточенно и серьёзно глядя на наше общество из-под своих косматых бровей.

– За столом, – продолжил Сергей Александрович, – дежурит капитан Савенков.

– Просто Володя, – перебил его тот, улыбаясь во всю ширину своего рта.

– ...А с Николаем Марковичем ты уже, наверное, познакомился, не так ли?

– Да, – улыбнулся я.

– Ну а это, – показал на женщин на стульях Васильков, – наши планшетистки, Татьяна и Ольга Петровна... Я никого не забыл?

– Меня, Сергей Александрович! – воскликнула девушка, которая вместе с Мартыненко пила на диване чай.

– Прости, Танюша! А это – наш теперь единственный курьер, старший лейтенант Татьяна Лебедева. Единственный и неповторимый до тех пор, пока мы не подготовим тебя.

Я посмотрел по сторонам. Все смотрели на меня приветливо и дружелюбно. Ну, или (Алина снова фыркнула) почти все. Хоть и с запозданием, я вспомнил об уставе.

– Товарищ майор, – приложил я руку к виску, – курсант Гарвий для дальнейшего прохождения службы под вашим началом прибыл!

– Наконец-то! – сказала Алина Юрьевна. – А то я уже подумала, что мне, опять тридцать пять, придётся сделать замечание.

– Ну, лучше поздно, чем никогда, – заметил Сергей Александрович.

– Мне очень приятно, – продолжил я, не обращая внимания на замечания, говорить серьёзным тоном, – познакомиться со всеми вами. Меня зовут...

– Митей! – снова перебила лейтенант.

– Алина! – сказал я твёрдо. – Ты могла бы не перебивать? Все внутри себя невольно зажмурились. Но ничего не произошло. Адъютант Меняева с видом человека, стоящего вообще над всем, чем можно, просто отхлебнула из своей кружки и склонила голову набок.

– Ну, расскажи нам о себе, – попросил майор Васильков после паузы.

– Дело в том, что до этого этот юноша был в весьма специфическом месте, – так же нагло, как и раньше, вклинилась Мартыненко в разговор. – Настолько, что имеет приказ командира не рассказывать об этом самом *специфическом* месте, а также о том, как он раньше проходил воинскую службу. Не говоря уже, я повторяюсь, о *где*. А я попрошу всех вас не расспрашивать его об этих вещах. Потому что он будет последним дураком, если нарушит запрет и хоть что-нибудь расскажет. Благодарю за чай, мне пора.

Она поставила, пустую чашку на стол, дружески чмокнула девушку, сидящую рядом с ней, и ушла. Вслед за ней, наверное, для того чтобы организовать её отправку транспортным средством, последовал и Николай Маркович.

– Теперь можно и чаю, – сказала Корнышева. – Предложением присесть я тоже воспользуюсь, – она села на диван. – Ты спрашивал меня про курьеров для её ушей, Серёжа?

– Да, – ответил раздосадованный гостьей Васильков. – Послушай, Таня, одного не пойму – как вы с ней дружите?

– Да я сама не знаю, – ответила девушка. – Чего это ей

сегодня вздумалось прийти.

– А то прямо, – никак не мог отойти начальник командного пункта, – такая пасторальная картина, что слов нет! Сидите, чай пьёте, а мы все ждём, когда же она его, наконец, напьётся.

Зазвонил один из телефонов, потом ещё один, и Савенков принялся, время от времени сверяясь с Васильковым, кому-то что-то объяснять по поводу разведгруппы. Возможно, той самой, которую мы с Лерой видели по пути сюда.

– Спасибо за чай, мне тоже пора, – встала с дивана лейтенант.

Я понимал, что она задержалась только для того, чтобы не возвращаться со своей подругой в кавычках вместе.

– Ну что ж, – подошла она ко мне, – удачи тебе, Митя. Ещё увидимся. Не обижайте его тут. Таня, покажи ему, пожалуйста, плато, он не видел, – попросила она девушку. – Первый раз его лучше увидеть сверху, а не из окон.

– Хорошо, – ответила та.

После этого Валерия Корнышева распрощалась со всеми и ушла.

– Да, – одобрил Васильков, – покажи. И идите на обед. Ты пойдёшь, Митя?

– Да.

– Правильно. А кто ещё?

Выяснилось, что на обед в столовую пойду только я один.

– Ну, пошли, – сказала мне Таня и повела меня к лестни-

це. – Здорово, что тебя определили сюда. А то у меня уже ноги стёрлись бегать одной. Это вообще совпадение, что ты меня сегодня застал на КП.

– Да я тоже доволен, что попал сюда, товарищ старший лейтенант, – вставил я.

– Когда мы одни, зови меня, пожалуйста, просто Таней, хорошо? Это при Василькове будет нелишним на первых порах соблюсти субординацию, он это дело любит, а когда его нет, обойдёмся без этого, договорились?

– Конечно.

– Это очень неплохое место! – поспешила заверить меня моя новая знакомая, в то время как мы поднимались вверх по лестнице. – А для курсанта вообще фантастика. Тебе просто повезло, что у нас забрали всех курьеров для 461-го окончания, и мы уже замучили Лопарёва просьбами о том, чтобы он нам кого-нибудь выбил взамен. Ну, как тебе у нас, успел впечатлиться?

– Ещё как. У вас тут столько всего, что мне кажется, что, начиная с сегодняшнего утра, прошёл целый месяц. Представляешь, я так боюсь высоты, а тут этот прозрачный пол в вашем этом Куар-Древе!

– Плац. Придётся научиться по нему лазить, словно обезьяна. Без этого никак, ведь мы тебя будем натаскивать на курьера.

– А кем я ещё могу стать у вас на командном пункте?

– Оперативным дежурным. Но для этого сначала нужно

стать хорошим курьером. Через это здесь все прошли.

– Слушай, Таня, а что, никто ни разу не срылся со стены Куар-Древа?

– Ну почему, срывались. Только давно, ну и в состоянии алкогольного опьянения. Поэтому негласное правило номер один Южного креста звучит примерно так: пьяным в Яштырь ни ногой. Это из тех правил, которое действительно стоит соблюдать.

– Хорошо, я запомнил.

– Было бы здорово, если это так. Кстати, раз уж мы заговорили о неписанных правилах, то тебе лучше знать: будь поосторожнее с Мартыненко. Ты в Кресте без году неделя, а так себе позволяешь с ней разговаривать. Раз она смолчала, то уже придумала, как отомстить. Она мне... ну не то чтобы самая близкая подруга, но я знаю её хорошо. Алина, как и её шеф, командор, человек крайне умный и настолько же опасный.

– Спасибо, учту твой совет. Хотя я просто попросил её не перебивать. Кстати, а почему Меняева иногда зовут командором?

– Чтобы не путать с Лопарёвым. Смотри, не назови его так при офицере из 13-го окончания, а то живьём съедят. Это принято только у нас, в 47-м окончании.

– Понятно, – улыбнулся я.

К этому времени мы сначала поднялись на третий этаж, а потом по той же лестнице – на четвёртый. Это была совсем

маленькая комнатка с кроватью, тумбочкой, на которой я увидел пачку сигарет, и дверь. Что-то похожее на батарею, надрываясь, тархтело, заполняя маленькое помещение своим шумом.

– Что это, Таня? – спросил я.

– Это компрессор. Пошли наружу, сейчас поймёшь, зачем он тут нужен. Кстати, тебе не жарко?

– Жарко! – с удивлением признался я.

– Надо было посоветовать тебе снять бушлат внизу, что-то я не сообразила. А где Володя? Наверное, снаружи. Пойдём и мы.

Картина, представшая перед моими глазами после того как мы вышли, была действительно грандиозной. Мы очутились на выдолбленном в камне узком уступчике, который опоясывал скалу, в которой был командный пункт. Узкой полоской без поручней он пролегал на уровне комнатки, в которую привела лестница, то есть в той части, где диаметр этого природного подземного здания был наименьшим. Примерно на расстоянии десяти метров над нами был потолок громадного грота, в который упирался рукотворный столп, выходящий из макушки скалы командного пункта.

Вокруг нас на довольно продолжительное расстояние, в несколько футбольных полей, простирался грот, потолок которого, кроме нашего, довольно часто подпирался искусственными подпорками, скорее всего для того, чтобы предотвратить обвалы. Но самое интересное было не в них.

Пол грота состоял из россыпи озёр раскалённой лавы, над которым из кирпичей были выстроены акведуки, как я про себя назвал эти необычные, но величественные постройки. Было ясно, что не для того, чтобы транспортировать воду, которой здесь было неоткуда взяться, а для того, чтобы по ним, не опасаясь огня, смогли путешествовать люди. Эти высотные дорожки, причудливо пересекаясь и переплетаясь между собой, образовывали целый коммуникационный лабиринт (в два, а кое-где и в три этажа), по которому, готов был поспорить, было очень интересно путешествовать.

– Ну как? – громко спросила меня девушка из-за назойливого гула, который издавала лава.

– Потрясающе! – искренне ответил я. Было красиво и жарко. – А что там? – я махнул рукой вдаль. – Чем заканчивается грот?

– Выходами во внешнюю систему. За этим мы здесь и следим. Наша задача – контролировать всех, кто выходит и входит в Южный крест.

– Так значит, это у нас ключи от всех дверей? – радостно закричал я, припоминая, что мне рассказывала Корнышева.

– Не совсем, – ответила мне моя новая знакомая. Штурманский отдел отвечает за стратегические ходы, которые ведут, к примеру, в Балдур-Кугут или Радуж. Командный пункт 13-го окончания заведует так называемыми большими подземными трактами, которые на практике используются очень редко. Часто ли кто-то ходит в Круг или на Остров?

Ну вот, а под юрисдикцией Карцери находится самое интересное. Они контролируют всякие разные секретные входы и выходы плюс все те, которые находятся на дне Яштыря (в этом случае – пытаются). Ещё не успел ознакомиться с местным фольклором?

– Нет, – признался я.

– Ну, ещё успеешь. Интересно?

– Ага, – закивал я в знак согласия головой. К этому моменту мне стало нестерпимо жарко. Настолько, что было уже не до познавательных вопросов.

Кроме нас на мостике находился ещё один человек, в выцветшей жёлтой технической форме. Он осматривал дали в бинокль на противоположной стороне уступчика.

– Кстати, а вот и Володя. Вова, привет! – заорала Таня.

– Привет, – отвлёкся от своего занятия парень. – Идите ко мне, здесь жарко! – проорал он, потому что звук, исходящий от раскалённой породы, не позволял разговаривать нормальным голосом.

Мы вошли обратно в комнатку. Не в силах терпеть, я снял шапку, скинул с себя бушлат и вытер рукавом пот со лба.

– Вова, – протянул он руку.

– Это Митя! – радостно представила меня старший лейтенант. – Наш новенький.

– Привет, – сказал я, пожимая руку. – Володя, я тут заметил сигареты на тумбочке. Ты знаешь, умираю, как хочу

курить.

– Угощайся, – протянул мне сигареты мой новый знакомый. – Бери всю пачку, у меня ещё есть!

– Спасибо, – ответил я. – Не откажусь.

– На, возьми мои часы, – протянула мне циферблат только на одном, верхнем, ремешке девушка. – С ними не опоздаешь, отдашь, когда вернёшься. В 32 склянки ты должен быть на месте, не задерживайся! Дорогу до столовой сам найдёшь?

– Найду, – ответил я. – Кстати, оно как-нибудь называется?

– Что, плато? – спросил меня Володя.

– Да.

– Называется. Тебе понравится, – ответила Татьяна. – Это – Плато жарких объятий.

– Ну да, – улыбнулся я и на секунду закрыл глаза.

Перед моими глазами, словно настоящие, промелькнули в изящном рисунке жеста тонкие чёрные руки второго лейтенанта Альянса Лианны Штепгрант.

ГЛАВА V, в которой главный герой испытывает слишком много эмоций и чувств

На этот раз в столовой было людно. Из-за моего порицания перед строем мне казалось, что меня все будут узнавать для того, чтобы поцокать языком. Разумеется, это было не так – до меня никому не было никакого дела.

Теперь все столы, частично или полностью, были заняты. За столиком, к которому меня прикрепили, напротив моего места сидела в ожидании официантки девушка. Она была примерно одного возраста со мной и отдалённо напоминала Лианну. Впрочем, достаточно для того, чтобы моё сердце ёкнуло. У незнакомки была смуглая кожа, громадные зелёные глаза, изящный торс и коротенькая, под мальчика, стрижка.

Пока я разглядывал её, у меня почему-то возникло мимолётное чувство, что мы давно знакомы. Наваждение было недолгим, и я, прокладывая себе путь к своему стулу сквозь общий шум и гам, удивился, на какие фокусы порой способен наш разум.

– Привет! – сказал я ей, усаживаясь на своё место.

– Привет! – осторожно улыбнулась она. – Как тебя зовут?

Вопрос сопровождал лёгкий румянец, который смог одержать верх над смуглой кожей для того, чтобы проступить

на щёчках девушки.

– Митя, – неожиданно сам для себя ответил я, похоже, внутренне смирившись с реинкарнацией собственного имени. – А тебя?

– Аня.

– Очень приятно.

– Взаимно.

– Ребятюшки-котятюшки! – подбежала к нам Галя. – На первое гречневый или перловый суп? Думайте быстрее!

– Перловый, – заказала моя новая знакомая.

– Гречневый, – попросил я.

– Здорово тебя сегодня утром! – заметила Анна. – Сильно расстроился?

– А! – махнул рукой я. – Уже успел забыть.

Только когда нам принесли две тарелки горячего супа, я понял, что испытываю сильное чувство голода.

– Ты ещё не знаешь, куда тебя определили? – спросила девушка.

– Знаю, – ответил я. – На командный пункт. Я там уже был.

– Неплохо для начала.

– Все так говорят.

– А поселили куда?

– В профилакторий.

– На этом уровне?

– Да.

– Я тоже там живу! В комнате номер семь. Будешь приходить в гости!

Немного поразмыслив над своими словами, Аня, видимо, сочла их нескромными, потому что внезапно замешкалась и вспыхнула как мак. Впрочем, красный и чёрные цвета всегда сочетались. С этим был согласен, несмотря на свой снобизм, даже французский писатель Стендаль.

– Я не в том смысле, что по ночам, – попыталась исправить ситуацию моя знакомая, но тут поняла, что сделала только ещё хуже.

Для того чтобы прервать сложившееся направление нашего разговора, я незаметно столкнул локтем ложку, а когда поднял её, то сделал вид, что не расслышал крайние слова.

– Повтори, пожалуйста, я не разобрал, где ты живёшь?

– В профилактории, – повторила она, с облегчением сделав выдох.

– Послушай, – спросил я, указывая на гобелен, – а что это такое?

– Тебе тоже нравится? – с воодушевлением спросила она.

– Да, – подтвердил я.

На толстой полотняной ткани нитками разных цветов было выполнено искусное шитьё исполинских размеров. Только в ширину оно было как минимум два с половиной метра. Что касается длины, то, насколько я мог судить, не менее девяти метров. На нём, с самым что ни на есть эпическим размахом, были вышиты эпизоды приключений парня с мечом

в руках и его друзей. Постоянно проходящие вокруг своих столиков люди никак не давали разглядеть мне всё полотно целиком, заслоняя собой то одну, то другую часть величественной панорамы.

– На второе перловую или фуражную кашу? – спросила нас Галя.

Аня выбрала перловку. А я, погнавшись за новым опытом, фуражную. Как потом оказалось, зря.

– Сейчас слишком много людей, как следует, не рассмотришь. Хочешь, я приведу тебя сюда как-нибудь после работы? – спросила меня девушка. – Торопиться будет некуда, и я спокойно расскажу тебе историю этого гобелена.

– Да, конечно, – согласился я.

– Приятного аппетита! – закончила она обедать и ушла.

А я, проводив её тонкую, высокую фигуру, одетую в жёлтый технический костюм, долгим взглядом, разозлился на себя за то, что никак не могу вспомнить какую-то важную вещь, которую она мне напоминала.

Я шёл по Аллее павших героев, когда услышал сзади себя окрик. Обернувшись и узнав нагоняющих меня Завражного и Вавщика, я сам еле удержался от того, чтобы не закричать в ответ от радости. Спустя несколько секунд мы уже обнимались и жали друг другу руки как добрые старые знакомые.

– Шеф, простите, что мы вас немножечко заложили! – как всегда, не терпящий недосказанности, первым делом выпалил Егор. – Но вы же знаете командора. Точнее, конечно,

не знаете, но ещё узнаете.

– Аня Илюшина сказала, что мы вас нагоним, – пропыхтел Сергей. – Что-то вы совсем испугали!

– Ну же! – сказал я. – Где она???

– Сошла, – серьёзно сказал Завражный, а его товарищ потупил взгляд.

– Как так сошла? – не понял я.

– Сначала вы заболели, – начал рассказывать Егор. – У вас поднялась температура, и начался бред.

– Вы называли меня троллем, а его кобольдом, – дополнил друга Вавщик.

– Да. Так мы и ехали, слава Богу, оставалось не так уж и много. Лианна постоянно дежурила возле вас и всячески заботилась. Она очень сильно переживала и боялась, что мы не успеем – лекарств было совсем немного, и они сразу закончились.

– А потом?

– Началась облава. Это было в Ростове-на-Дону. Солдаты Альянса просто загнали состав в тупик и начали осматривать вагон за вагоном. Одновременно и с начала и конца поезда, нам было видно.

– Дальше, быстрее, Егор! – попросил я.

– Ну... – замешкался с выбором слов он и сделал паузу.

За него продолжил его товарищ:

– И тогда она решила пожертвовать собой. Ведь искали её, а про нас не знали. Она надела свою форму, мы отдали

ей её оружие и выпустили.

– Мы видели, – перебил его Завражный, – как её схватили и заломили за спину руки.

– Шёл дождь, – продолжил после паузы Сергей, – сверкали молнии. Её избили и увели, а состав вскоре пустили дальше. А потом всё пошло по плану. Вот и всё.

– Понятно, – проглотил я комок в горле. – И где она может быть?

– Трудно сказать. В тюрьме, наверное, – предположил Егор.

– Нам пора! – вспомнил бывший Гаргантюа. – Через час мы уходим домой.

– А где ваш дом? – машинально спросил я.

– Наш дом – Балдур-Кугут. Мы – окурки, – хором ответили они мне, попрощались и развернулись для того, чтобы уйти.

– Эй, подождите! – попросил я. – Меняев, он это, надёжный?

– В смысле? – не понял Вавщик.

– Ну, ему можно доверять?

– Ну естественно. Он же командир Южного креста. Только смотрите – он всё помнит! – ответил Серёжа, а его товарищ, который уже проделал несколько шагов обратного пути, неожиданно развернулся и подбежал ко мне:

– Вас не зря привели в висок. Мне сдаётся, ох и неспроста... – Он помолчал, кивнул на прощание и ушёл.

Под впечатлением я даже не заметил, как подошёл к транспортному узлу.

– Паланкин? – услужливо спросил прапорщик.

– Нет, – ответил я. – Бильярд!

На командном пункте всё было почти так же, как и до обеда. Васильков сидел на своём месте и что-то сосредоточенно писал. Самедов с Токарем пили чай, а женщины чертили какую-то схему. Таня отсутствовала.

– Как обед? – поинтересовался Вагиф.

– Пустая похлёбка и каша – ответил я.

– На следующей декаде новая поставка из Балдур-Кугута! – оживлённо сказал Олег. – Я слышал, что будет даже яблочный сок!

– Я вам разве не говорил? – не отрываясь от написания, медленно проговорил Сергей Александрович. – Поставки не будет.

– Поставки что, не будет? – переспросили из первой комнаты планшетистки.

– Нет.

– Да что за жизнь! – воскликнул Самедов и поставил чашку на стол. – И что говорят?

– Да ничего не говорят. Говорят, терпите, а что они ещё скажут.

– А чего ты молчал, Серёга? – замахав руками, спросил Токарь.

– Да потому, – наконец поднял голову майор, – что я, в отличие от вас, за сегодня уже переделал кучу дел. Зато даже чаю некогда попить! Да никто и не предложит...

– Сейчас мы вам сделаем – хором пропели женщины.

– Что, в первый раз, что ли? Крупы есть и ладно. Лучше бы делом занялись. Например, вот ним, – кивнул на меня головой начальник и снова углубился в свою писанину.

– Иди сюда, – сказал мне Олег. – Володя, дай ключи.

Савенков достал из кармана связку ключей и кинул их майору. Тот поймал и начал открывать, начиная сверху, все створки железного сейфа, который стоял слева от входа. Когда все четыре были открыты, он сказал:

– Значит так, смотри сюда, Митя. Саныч, мы его, как обычно, учим сразу и на курьера, и на оперативного дежурного?

– Да, – ответил Васильков после небольшой паузы.

– Отлично. Итак, первое отделение. Сколько здесь документов? Возьми, только аккуратно.

Внутри лежала прозрачная папочка из пластика, внутри которой был распечатанный на принтере лист формата А4 и толстый пакет из плотной коричневой бумаги. Я аккуратно его достал и начал рассматривать со всех сторон.

– Это – самое ценное, что есть на нашем командном пункте! – прокричал Токарь. Говорить нормально он, скорее всего, просто не умел. – За утерю этого пакета тебя просто расстреляют.

– Это так, – спокойно подтвердил Самедов, спокойно отхлебнув чая из своей кружки. – Посмотри, вот это сигнал на вскрытие пакета. Он состоит из кодового слова, то есть словарной величины, и двух четырёхзначных числовых групп.

– И является по своей сути чем? – так же, не отрывая своей головы, спросил Сергей Александрович.

– Приказом боевого управления? – предположил Олег.

– А почему так неуверенно? – спросил начальник командного пункта.

– Но ведь правильно? Правильно. Так вот, – продолжил Токарь, – по этому сигналу, который ты можешь получить из доступных средств связи, потом о них поговорим, ещё раз – по этому сигналу ты обязан вскрыть пакет и действовать согласно заложенным в нём инструкциям. Находясь, естественно, на боевом дежурстве, то есть, будучи оперативным дежурным. Пока ясно?

– Да, пока ясно, – подтвердил я.

– Там будут ещё сигналы, – пояснил Самедов. – И по каждому будет расписано, что конкретно делать.

– Всё вы не так объясняете, – встал со своего места, видимо поразмяться, Васильков, – а надо с самого начала. Пока всё тихо и спокойно, мы так же выполняем свою работу, как и другие отделы 47-го, 461-го, 13-го и других окончаний. Но как только случится какая-нибудь нештатная ситуация, мы тут же оказываемся на острие атаки. Нападение, проник-

новение, облава, обвал, затопление, землетрясение, химическая атака, да мало ли чего, – именно мы, используя эти телефоны и средства связи, – он махнул рукой в сторону Савенкова, – должны чётко и своевременно всех оповестить, всех собрать и организовать как минимум начальный этап поиска выхода из сложившейся ситуации. До тех пор, пока на КП не прибудет командир. Командиры, точнее. В идеале мы должны бы были замыкаться на командный пункт 13-го окончания, но в связи с рядом обстоятельств, потом расскажем каких, они практически не функционируют, а их обязанности тупо свалены на нас.

Начальник командного пункта принял из рук Ольги Петровны кружку с чаем и с удовольствием из неё отхлебнул.

– Ну подожди, Саныч! – обиженно запротестовал Олег. – Или мы, или ты, всё мы это прекрасно знаем, и всё ему расскажем!

– Ладно-ладно, – примирительно согласился Васильков и снова засел за свои бумаги.

– Этот пакет, – мягко заговорил майор Самедов, – Острова...

– Вагиф, на первых порах избегайте жаргона, – попросил Сергей Александрович. – Пусть сначала выучит, как всё называется по-настоящему. А то получится как с практикантами из 461-го окончаниями. Ляпнет что-нибудь при командире, а потом ещё скажет, что мы научили.

– Ты прав, – согласился кавказец и продолжил: – Этот па-

кет 1-й гвардейской ОСТ – отдельной стратегической территории. Конечно, это секрет, и мы его не знаем. Но, тем не менее, этот пакет касается мероприятий по организации экстренной эвакуации 13-го и 47-го окончаний. Дай Бог, чтобы ни тебе, да и никому из нас никогда не пришлось вскрывать этот пакет. Но его сигнал ты должен знать наизусть. Знать, но хранить в строжайшем секрете.

– Это очень важный момент, – снова вмешался начальник командного пункта. – Дело в том, что, несмотря на то, что в принципе мы делаем одно общее дело, каждый житель 13-го окончания, за исключением детей, состоит в определённом подразделении. И некоторые из них, функции которых пересекаются, не то чтобы конфликтуют, а скорее соревнуются между собой за первенство в выполнении определённых задач.

– Конкурируют, – хмуро сказал Токарь.

– Именно, – подхватил Васильков. – Кроме того, о многих вещах просто не стоит болтать в силу разумных причин, первая из которых – секретность. К тому же наши прямые конкуренты – штурманский отдел – так и ждут, что мы где-нибудь накосячим. Это не говоря о том, что у нас далеко не самые лучшие времена. Кстати, тебе скоро предстоит знакомство с ними и их лидером – Константином Петровичем Русаковым. Для того чтобы стать настоящим курьером, тебе необходимо узнать очень много нового. Многое из этого придётся выучить наизусть. А в конце – сдать зачёты по сво-

им знаниям. Чем быстрее ты их сдашь, тем раньше получишь допуск на дежурство курьером, то есть станешь полноценным КПШником – одним из нас. Соответственно, тем быстрее хоть немного разгрузишь Лебедеву. Пока что она справляется с тем объёмом работы, который свалился на её плечи, только чудом, но с каждым днём ей всё труднее... Ну, и тем раньше у тебя появятся выходные... В общем, если успеешь встать в строй за полторы-две декады, будешь молодцом.

– Успею! – твёрдо сказал я. – А с Константином Петровичем я и так уже успел познакомиться. Кстати, по-моему, они с лейтенантом Мартыненко в друзьях.

– Ну вот! – округлил глаза Олег.

– Мы же тебе говорили! – поддержал его Вагиф.

– Хм! – задумался Васильков, – да неужели? Только помолчите, я вас прошу. Знаю отлично, что говорили.

– Итак, – сказал майор Токарь после паузы, – сколько документов в этом отделении?

– Один! – ответил я.

– Сигнал запомнил? – в свою очередь спросил майор Самедов. – Цифры не надо, достаточно слова.

– Да, – ответил я, – «гюйсовка».

– Тогда закрывай своей рукой, – протянул мне Олег ключи. – И не забудь опечатать.

Я закрыл отделение, после чего опечатал его круглой печатью, висевшей на связке ключей. Для этого мне пришлось как следует наслюнявить кисть руки, чтобы потом хорошень-

ко потерять об неё печать, так как из-за того что было тепло, пластилин норовил прилипнуть и всё портил.

Пришёл Николай Маркович, а на Володю посыпался шквал звонков.

– Сергей Александрович, я принёс! – сказал он, протягивая мне громоздкую тетрадь в толстой зелёной обложке. – Это тебе, Митя.

– А сюда, – сказал Васильков, – ты будешь конспектировать всё, что будет необходимо. У каждого из нас есть такая, она называется тетрадью общей подготовки.

– Понятно, – ответил я.

– Кстати, а персональную порталную книжку ещё не завёл?

– В кармане, товарищ майор.

– Молодец.

– Саныч! – позвал Савенков. – Звонил с высотки Калашников, докладывает, наш патруль ведёт на выход посла Балдур-Кугута. Идут в северном направлении к шестому пограничному портал-посту, с послом два подростка. Скоро будут на краю плато.

– Может, не выпускать, – предложил Токарь, – пока не будет поставки? – но на его шутку никто не обратил внимания. – Что-то они в последнее время повадились через нас ходить. Пусть вон через штурманский, как и положено, ходят!

– В последнее время через нас все повадились ходить. Во-

лодя, отработывай, как полагается! Кстати, Гарвий, иди и посмотри, как это делается. Так, Вова, я в штаб.

– Хорошо.

– Лебедева! – прозвучал по селектору звонкий голос Тани. – Как же я устала! – заявила она, вбежав спустя три секунды.

– На тебя тут снова целая очередь, иди, взгляни на список.

– Ага. Ну, как я вижу, ничего срочного. Чаю попить смогу.

– Ты поэтому пришла, а не позвонила? – спросил оперативный дежурный.

– И поэтому тоже, – плюхнулась на диван старший лейтенант.

– Час назад звонили с третьего портал-поста, просили забрать корреспонденцию.

– Хорошо, забегу.

– Танюша, я тебе заварю как обычно.

– Большое спасибо, Ольга Петровна.

– Сейф только закройте! – попросил Савенков, наблюдая за тем, как мы в качестве зрителей перемещаемся к его столу.

– Володя, комментируй! – попросил Вагиф после того, как Олег закрыл и запечатал сейф.

Капитан откашлялся и, покосившись на своих старших товарищей, начал:

– Наш командный пункт находится почти посередине Плато жарких объятий. Просто так выйти, как и войти на территорию 13-го окончания никто не может. А мы

за этим не только следим, но даём разрешение на эти действия. Ты был на высотке?

– Да.

– Отлично, значит, видел плато и, скорее всего, наблюдателя. Точнее, визуального наблюдателя. Видел?

– Да. И плато, и наблюдателя.

– В данном случае дипломат – довольно важная персона, поэтому дежурный наблюдатель Володя Калашников сообщил о нём заранее. Если бы это был обыкновенный патруль, то мы просто дождались бы звонка с пограничного портал-поста, через который они хотели бы выйти. Но теперь мы знаем об их выходе раньше, поэтому у нас есть время отработать их выпуск с упреждением, для того чтобы они не тратили своё время на ожидание разрешения.

– Вова, время! – напомнил Токарь. – Переходи к алгоритму.

– Да, пока мы говорим, они идут, – заторопился оперативный дежурный. – Значит так. Пограничные портал-посты – это объекты фракции порталщиков...

– Прощу прощения, – перебил я. – Правильно понимаю, что пограничными портал-постами заканчивается плато, и все те, кто приходят в 13-е окончание, равно как и выходят, делают это через соответствующий портал-пост?

– Да, это верно – подтвердил майор Самедов.

– А сколько их? – спросил я.

– Тринадцать, – ответил Олег. – Потом задашь свои во-

просы, а пока не перебивай: время не ждёт!

– Хорошо.

– Так вот, – продолжил капитан Савенков, – первое, что мы должны сделать, это получить добро на выпуск у нашего командира, полковника Лопарёва.

Он поднял трубку одного из наборников и набрал номер:

– Товарищ командир, оперативный дежурный капитан Савенков. Запрашиваю Ваше разрешение на выпуск делегации города Балдур-Кугут в составе посла и двух сопровождающих его подростков через... Есть!

Он положил трубку и снова повернулся ко мне:

– Всё, командир дал *добро*. А ты, Митя, запомни раз и навсегда одно из самых главных правил оперативного дежурного: всё важное ты *всегда* должен пометить в журнале оперативного дежурного, – он указал на раскрытую перед собой тетрадь, в которой тут же в подтверждение своих слов сделал пометку.

– Теперь звоним Меняеву... Товарищ командир! Прощу...

– Да, окурков выпускай. Гарвий у вас? – из трубки послышался голос командора.

– Так точно! – перевёл свой взгляд на меня оперативный.

– Вводите в строй как можно раньше, кота за яйца не тяните.

– Есть, товарищ командир! – на этом разговор закончился, и из трубки послышались гудки.

– Ну вот, – вытер пот со лба Володя, после того как бросил трубку наборника на своё место, – добро Меняева тоже получено, – он сделал вторую отметку в журнале. – Слышал? – тобой интересовался.

– Ага.

– Следующий шаг – звонок в Карцери. Для этого у нас есть вот этот специальный телефон чёрного цвета. Когда снимаешь трубку, то сразу попадаешь на коммутатор хитрачей. Просто просишь у телефонистки их дежурного по деми-укреп-уровню.

В подтверждение своих слов он снял трубку.

– Девушка, дежурного по Карцери, пожалуйста... Алло, это оперативный дежурный 47-го окончания... Сорок седьмого! Прошу дежурного по деми-укреп-уровню!.. Здравствуйте! Оперативный 47-го окончания! Хочу подсказать об открытии ворот шестого пограничного портал-поста. Как Ваша фамилия? Моя – Савенков! Капитан Савенков!

– С ними всегда плохая слышимость – заметил кавказец.

– А теперь просто ждём... – Его перебил оглушительный звон одного из тапиков. Владимир поднял трубку.

– Оперативный дежурный Савенков, слушаю... Ждите на трубке. – После этого капитан отложил в сторону переговорное устройство тапика и быстро набрал номер на наборнике. – Володя, наблюдай выпуск! – после этих слов он положил трубку наборника обратно на аппарат, и снова продолжил разговор по переговорному устройству тапика: –

За 33 часа 34 минуты выпуск делегации Балдур-Кугут через шестой разрешил... Да, да, на трубке... Пишу, за 33:35 ворота закрыты... Хорошо, дежурим.

Зазвонил наборник.

– Спасибо, Володя, за 35 минут ворота шестого закрыты, пометил, – продолжал работать оперативный дежурный.

– Товарищ полковник, за сию делегация Балдур-Кугута выпущена через пограничный портал-пост номер шесть, – доложил он Меняеву.

– Товарищ командир, балдур-кугутцев через шестой за 33 часа 35 минут выпустили, – следующий звонок был Лопарёву.

– Видишь, всё просто, – сказал Токарь.

– И в самом конце подсказываешь о выпуске начальникам штабов. Сначала Креста, его сейчас нет, он в командировке и за него ЗНШ, заместитель начальника штаба 13-го окончания. И нашему начальнику штаба, естественно, тоже звонишь. Подполковнику Капустину Ивану Васильевичу, запоминай, пригодится.

– Хорошо, – ответил я.

– Алло... Оперативный... За 33:35 выпустили делегацию города Балдур-Гугут в составе трёх человек... Через шестой ППП... Понял...

В журнале оперативного дежурного была сделана следующая отметка.

– Товарищ подполковник, оперативный дежурный капи-

тан Савенков. Докладываю Вам о выпуске делегации Балдур-Кугута через шестой портал-пост за 33 часа 35 минут...
Есть.

Ещё одна запись в журнал. После этого Володя положил шариковую ручку на стол возле красных электронных часов с большим циферблатом. Затем с удовольствием откинулся на спинку стула и пояснил:

– Конечно, с первого раза ты не запомнишь, но последовательность такова: во-первых, просишь разрешения на выпуск у командира 47-го окончания. Если он не возражает, звонишь командиру 13-го окончания. Только не забудь сказать, что Лопарёв разрешил. После того как даст добро Меньев, предупреждаешь Карцери.

– Только обычно вся эта канитель, – дополнил капитана Олег, – возникает по звонку с пограничного портал-поста.

– Я об этом уже говорил, – заметил Савенков.

– Повторение – мать учения. Я просто чтобы понятнее было! К тому же ты не дал мне договорить. Потому что иногда внешники приезжают на плато через нашу линию транспорта. И нас об их выбросе информируют Маркович или Коля Андреев. Он сейчас в госпитале, выпишут, познакомишься. Ещё, бывает, заходят к нам в гости и предупреждают лично. То есть по-разному бывает!

– Правильно звонить в Карцери только после того, как пограничный портал-пост сам запросил разрешение на открытие ворот, – спокойно добавил Самедов. – И после того, как

разрешили оба командира.

– Да, – согласился Володя. – Затем организуешь через визуального наблюдателя наблюдение за открытием и закрытием ворот. Это очень важный момент. Если вдруг через портал-пост хлынут враги, в обязанности оперативного входит уничтожение мостов Плато жарких объятий и подъём по тревоге дежурного подразделения с оповещением руководящего состава и привлечением...

– Подожди! – прервал его Олег. – Пока на это не отвлекайся.

– Ладно. Далее принимаешь доклад от визуального наблюдателя о закрытии ворот, ему видно в бинокль, принимаешь доклад о том же самом с самого пограничного портал-поста, сокращённо – ППП. Они могут позвонить в любой последовательности. И только когда у тебя на руках оба подтверждения, докладываешь об этом командиру 13-го окончания, командиру 47-го окончания, начальнику штаба 13-го окончания и начальнику штаба 47-го окончания... Всё ясно?

– Вы посмотрите ему в глаза! – сказал Вагиф и обратился ко мне: – Радость ты наша, тебе вообще хоть что-нибудь понятно?

– Очень много всего понятно, – смутился я. – Стараюсь запомнить.

– Что-то по твоему виду этого не скажешь, – заявил Токарь. – Пошли к сейфу!

– Чего вы на него насели, – неожиданно заступился за ме-

ня Владимир. – Вы хотите, чтобы он за один раз всё усвоил? Тоже мне, умники нашлись. – Он закончил свою возню с сейфом, которую начал после выпуска делегации Балдур-Кугута и снова уселся на своё место. – Себя лейтенантами вспомните!

– А, Вова, не мешай заниматься воспитательным процессом, – экспрессивно возразил ему Олег. – Дай нам лучше ключи от сейфа.

– Только если не будете трогать первое и второе отделение. Я там только что пакеты проверил! Расскажите всё на словах, или я могу рассказать. Занимайтесь лучше третьим и четвёртым. Вот завтра ты меня, Олежа, сменишь, и можешь делать с тревожными пакетами всё что захочешь. Хоть в преферанс играйте, и проигравших ими по ушам бейте! – упрямо ответил Савенков.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился энергичный майор. – Расскажи ему про пакеты из второго отделения. А я пока пойду покурю. Маркович, составишь мне компанию?

– Составлю. Пошли.

– Отвратительная привычка, – заметил азербайджанец. – Которую я победил.

– Митя, иди сюда – позвал меня оперативный. – Присаживайся на диван. Значит так, смотри. В первом отделении один пакет. Он – из Мифа-Драннора. Называется пакетом номер один. Словарную величину на его вскрытие запомнил?

– Да. «Гюйсовка».

– Молодец, верно. Во втором отделении сейфа ещё два пакета. Соответственно номер два и номер три. В отличие от пакета номер один они большие и толстые. И разработаны на случаи нападения Альянса и других чрезвычайных происшествий. Второй пакет – это пакет, это...

– Пакет полковника Меняева, – перебил я, чувствуя, что замедлением речи меня приглашают к ответу, – то есть пакет 13-го окончания.

– Верно! А третий...

– Полковника Лопарёва. 47-го окончания.

– Точно. Хорошенько запомни их кодовые слова. Первый – «гюйсовка». Второй – «сбитень». Третий – «сюита». Повтори.

– «Гюйсовка», «сбитень», «сюита».

В этот момент зазвонил телефон, и капитан с головой окунулся в переговоры. А я почувствовал, что устал и захотел есть и курить. Майор Самедов куда-то пропал, зато вернулся Токарь.

– Бери у Володи ключи и отпирай ими третье и четвёртое отделение сейфа, – сказал он мне.

Я отпер. Если в первом отделении из-за того, что кроме пакета оно больше ничего не содержало, было просторно, то эти набили папками, тетрадями и документами под самую завязку.

– Каждые жёлтые склянки, в 12:45, – начал Олег ментор-

ским тоном, – когда происходит смена оперативных дежурных, новый ОД КП пересчитывает документы, потому что на всё время дежурства, то есть на целые русалии, действующий оперативный дежурный отвечает за их целостность и сохранность. Точно так же, как он отвечает за своё оружие, которое лучше носить в кобуре на попе, – повернул он голову в сторону Савенкова, но тот разговаривал по телефону и не слушал, о чём мы говорим, – а не хранить во втором отделении сейфа ОД КП.

– Что теперь мне делать? – спросил я.

– Доставай документы, выкладывай на стол и пересчитывай. Каждый документ имеет свой инвентарный номер. Вперёд, я жду результата. Мне нужно знать точное количество документов, хранящихся в этих двух отделениях сейфа.

Я принялся за пересчёт. Задача показалась лёгкой только сначала. На самом деле, всё было не так уж и просто. Некоторые документы, например один переплёт, состоял из таблицы кодов (для какой-то «Агры») и из инструкции по её эксплуатации. То есть, печатей было две. Соответственно, столько же было инвентарных номеров, значит, этот документ содержал в себе две единицы для счёта, а не одну. Что касается карт многочисленных уровней 13-го окончания, так это был лес настолько тёмный, что в нём с лёгкостью заблудился бы и знаток.

Наконец, всё было готово.

– Сколько документов в этом отделении? – повторил свой

вопрос майор.

– Сто двадцать четыре.

– Сколько документов в этом отделении? – на повышенных тонах ещё раз спросил он.

– Сто двадцать четыре! – заорал я.

Планшетистки заойкали и покачали головами, а Володя, разговаривавший по телефону, попросил нас учиться потише. Так мы кричали друг на друга ещё пару часов, постоянно пересчитывая документы, пока не запутались, причём вдвоём, окончательно. Пришедшие Васильков и Самедов были неизбежно вовлечены в процесс пересчёта, после чего разных результатов стало гораздо больше. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы оперативный не позвал начальника командного пункта к телефону.

– Товарищ майор, Вас полковник Меняев к телефону, – сказал он.

Васильков взял трубку и коротко переговорил с командиром.

– Всё, пошли на совещание! – сказал он после того, как положил трубку. – Так, Ольга Петровна и Татьяна Александровна сегодня с построения отпросились, поэтому, Митя, сам дорогу на плац найдёшь?

– Это, который в Куар-Древе, прозрачный? – спросил я.

– Да.

– Найду.

– Хорошо. Это если Лебедева сюда не станет заходить. Ес-

ли прибежит, то тогда, конечно, придёшь с ней. Вечернее построение в 41 час 45 минут, не вздумай опоздать.

– Есть, товарищ майор, – ответил я.

После того как они ушли, наступила тишина и покой. Планшетистки чертили в первой комнате, а я сначала покурил вместе с Николаем Марковичем на первом этаже, а потом заварил себе чай. Перед уходом мне оставили несколько несекретных документов, за изучение которых я теперь принялся. Сейф, предварительно сложив в него с моей помощью секретку, Савенков запер, а теперь вёл с кем-то длинный телефонный разговор, судя по его лицу, личный.

А потом пришла Лебедева, и мы сели с ней пить чай. Я – во второй раз, за компанию.

– Ну, как ты? – спросил я её. – Сильно устала?

– Есть немного, – улыбнулась она, отвечая на этот ненужный вопрос. И так было видно, что в девушке если и остались силы, то совсем чуть-чуть.

– Пора, – сказал она после того, как мы выпили чай. – А подниматься так неохота.

– А надо! – засмеялся Володя. – Это ещё ничего. Бывает и жёстче. Вот когда я был курьером...

– Ты уже рассказывал, – заметила старший лейтенант.

– Куда пора? – спросил я.

– Как куда? – снова засмеялся оперативный дежурный. – На построение!

ГЛАВА VI, в которой главный герой узнаёт правила игры

– Самая главная новость, – гремел голос Меняева со всех сторон, – как минимум в ближайшие две декады продовольственной поставки из свободного города Балдур-Кугут не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.